

Духовная проза

Сергей Ильичев

НЕЧАЯННЫЕ ВСТРЕЧИ

Духовная проза (Вече)

Сергей Ильичев

Нечаянные встречи

«ВЕЧЕ»

2020

Ильичев С. И.

Нечаянные встречи / С. И. Ильичев — «ВЕЧЕ»,
2020 — (Духовная проза (Вече))

ISBN 978-5-4484-8208-3

В этой книге читатель встретится с тремя разными героинями. Разные эпохи, разные характеры, но всех этих женщин объединяет любовь к Богу и к России. Одна героиня — сестра милосердия из Англии, приехавшая в Сибирь, чтобы помогать прокажённым. Другая — медсестра на фронте Великой Отечественной, вынужденная взять в руки оружие, чтобы воевать за Родину. Третья — исследователь творчества русского классика Петра Ершова, которая за свой многолетний самоотверженный труд вдруг получает от мироздания необыкновенную, в прямом смысле сказочную награду, о которой не могла и мечтать.

ISBN 978-5-4484-8208-3

© Ильичев С. И., 2020

© ВЕЧЕ, 2020

Содержание

Предисловие	5
Сестра милосердия Кэт Марсден	6
Нечаянные встречи	28
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Сергей Ильич Ильичев

Нечаянные встречи

Повести

Предисловие

В книге писателя Сергея Ильичева «Нечаянные встречи» собраны повести о драматических женских судьбах. Героини этих произведений жили в самое разное время, но их объединяют дела милосердия и сострадания. Таких женщин автор с любовью называет Боголюбимицами.

Англичанка Кэт Марсден, героиня повести «Сестра милосердия», приехала в Санкт-Петербург и получила благословение Императрицы Марии Федоровны на совершение трудной и опасной экспедиции в Якутию в поисках трав для лечения больных проказой. И именно в Сибири она обрела и свою любовь, и новую семью.

Санинструктор Надежда Ростова – героиня повести «Нечаянные встречи» – уже в годы Великой Отечественной войны приехала на фронт в составе сибирской дивизии, а после гибели командира роты подняла и повела за собой солдат в атаку. Став командиром роты, она в звании лейтенанта встретила окончание войны в Берлине. И все это время ее поступками двигала жертвенная любовь. К сожалению, трагическая, так как война забирала всех тех, к кому прикипало сердце этой удивительной женщины в круговерти той жуткой войны. Героиня, сродни французской девице-воину Жанне д'Арк, сохраняла себя в девственной чистоте и до последней минуты жизни спешила на помощь людям.

Доцент Тюменского университета Татьяна Верещагина – героиня повести «Архивное дело П. П. Ершова» – всю свою жизнь посвятила изучению жизни и творчества автора сказки «Конек-Горбунок» – сибирского сказочника Петра Павловича Ершова. Автор облакает это повествование в форму фэнтези, что было свойственно характеру творчества самого писателя и поэта, а сюжет относит нас как к событиям в России начала XX века, так и к временам, когда жил и творил молодой Ершов.

Сестра милосердия Кэт Марсден (Повесть)

Все события этого повествования имели место в реальной жизни, правда, происходили они в разные годы и с самыми разными людьми. Эти истории были описаны пастырем-проповедником Григорием Дьяченко в его сборнике рассказов «Искра Божия», который вышел в самом начале XX века в еще дореволюционной России. Лишь моя воля и горячее желание объединили их в единое повествование, позволив появиться на свет повести «Сестра милосердия Кэт Марсден». А вот что пишет об этой героине сам Г. Дьяченко: «Во время Русско-турецкой войны 1877 года юная английская сестра милосердия Кэт Марсден, ухаживая за русскими солдатами, впервые увидела двух солдат, болеющих лепрой (проказа). Это были болгары. Изуродованный этой ужасной болезнью вид их и беспомощное положение так глубоко тронули ее сердце, что она тут же посвятила жизнь свою Господу, прося Его направлять ее единственно на помощь этим несчастнейшим из Его созданий. Вскоре она узнает, что в Сибири, в отдаленной Якутской губернии, есть тоже прокаженные между инородцами-якутами и что они имеют средство – траву, которая, по слухам, вылечивает проказу. Сознавая, как важно приобретение этого средства несчастным прокаженным по всему миру, она решила ехать в Якутск, чтобы отыскать эту траву и потом испытать и изучить ее целебные средства. С этой целью Кэт Марсден приезжала в Петербург и имела честь быть представленной Ея Императорскому Величеству Государыне Императрице Марии Федоровне, которая оказала ей свое покровительство в продолжение всего ея путешествия по Сибири...»

Я же попытался лишь залатать некоторые временные вехи тех событий, объединив их единым сюжетом. Что из всего этого получилось, читайте сами.

1890 год. Кэт Марсден приезжает в Россию.

Железнодорожный вокзал в тот день заполнен как отъезжающими, так и провожающими лицами. Состав был готов к правке. Полицейские внимательно следили за порядком во время отъезда, профессионально вглядываясь в лица людей. Еще снуют торговцы и просто зеваки, без которых не обходится ни один рассказ и ни одна поучительная история.

В одном из купе пассажирского поезда уже сидят двое. Это игумен Сергей, настоятель одного из монастырей в Сибири, в возрасте пятидесяти двух лет. Он худощав, имеет светлые, обрамляющие его лик волосы и живое подвижное лицо.

Место напротив него занимает коммерсант из Америки – еврей 65 лет, слегка полноватый, с небольшой посеребренной бородкой, но одетый весьма аккуратно, в одежде темных тонов и поэтому производящий приятное впечатление.

В купе входит женщина. Это и есть героиня нашего рассказа – Кэт Марсден. Ей чуть более тридцати лет, она также стройна, со светлыми выщипанными волосами, собранными и прикрытыми легкой шляпкой. По чертам лица ее, по скромному, но со вкусом отделанному одеянию, можно было предположить, что она принадлежит к образованному сословию.

Игумен пересаживается на сиденье, где уже расположился коммерсант, а Кэт занимает место напротив. Раскладка багажа, а у женщины лишь небольшой дорожный баул, занимает немного времени.

Раздается паровозный гудок, последние провожающие покидают поезд, и состав медленно трогается в путь. Прощальные взмахи рук на перроне. Начальник вокзала и дежурный офицер следят за отходящим поездом. Носильщики нешадно задымили папиросками, видимо, негласно соревнуясь с самой паровозной трубой. В момент отхода поезда сидящие в купе люди невольно перекрестились, что и вызвало их взаимный интерес друг к другу. И каждый стал

ненавязчиво и тактично всматриваться в попутчиков, которых им послал Господь Бог в этом их путешествии из Петербурга в Москву.

Коммерсант достал из кармана и раскрыл Святое Евангелие на английском языке. Найдя нужную страницу, он углубился в чтение.

Лицо духовное, прикрыв глаза, вероятно, мысленно читал свои молитвы.

Через некоторое время игумен вновь перекрестился и огляделся. Заметил Евангелие в руках коммерсанта. И когда тот, переворачивая очередную страницу, на время отвлекся от чтения, воспользовавшись представленным случаем, начал разговор:

– Позвольте, милостивый государь, спросить вас, не из чад ли вы Авраамовых?

– Вы не ошиблись, святой отец: я еврей. Вас, вероятно, смущает Новый Завет, который у меня в руках. Извольте, путь не близкий, я расскажу, с чем связан этот интерес. Думаю, что вам будет интересно услышать мой рассказ, если, конечно, никто не возражает.

Кэт Марсден благосклонно слегка склонила голову.

И коммерсант начал свой рассказ:

– Я из числа самых богатых лондонских евреев. Незадолго перед этим поселился со всем своим богатством и с единственной семнадцатилетней дочерью в Америке. Жена моя скончалась перед отъездом из Европы, и я не находил ни в чем утешения, кроме любимой дочери моей. Быв ревностным евреем, воспитал я и дочь мою в строгом хранении еврейского закона, думая, что тем я усугубил совершенства ея. Но вдруг дочь моя сделалась больной, и по всем признакам болезнь ея оказалась весьма опасной. Я не отходил от нее, и грусть моя была весьма велика. Удрученный печалью, пошел я к ней в комнату, которая вскоре должна была сделаться храминой смерти. Я вошел к ней, чтобы проститься с ней навсегда. Дочь моя взяла меня за руку и с живостью при ослабевших силах своих спросила:

«Батюшка! Любишь ли ты меня?»

«Любезная дочь, ты знаешь, что я люблю тебя, что ты мне дороже всего на свете», – ответил ей я.

«Скажи мне, любезный батюшка, любишь ли ты меня?»

Я молча смотрел на нее.

«Знаю, что ты всегда любил меня, ты самый нежный отец, и я люблю тебя также. исполнишь ли ты мою просьбу? Это просьба умирающей твоей дочери. исполнишь ли ты ее?»

И я ей ответил тогда:

«Любезная дочь, скажи только, чего ты желаешь, хотя бы это стоило последнего рубля моего имущества, одним словом – что бы то ни было, оно будет исполнено непременно».

«Батюшка, я прошу тебя никогда не говорить против Иисуса Назарянина».

Я даже немного онемел от удивления.

«Я мало знаю об Иисусе Христе, потому что мне никто не говорил о Нем; но знаю, однако, что Он Спаситель, потому, что открыл мне Себя таковым во время моей болезни; открыл Себя Спасителем души моей. Я чувствую, что иду к Нему, что Он спасет меня и что я всегда буду с Ним. Итак, любезный батюшка, не отвергни моей просьбы; я умоляю тебя никогда не говорить против Иисуса Христа. И еще прошу тебя: достань книгу Нового Завета, которая говорит о Нем, и постарайся познать Его. И когда меня уже не будет, то любовью, которую ты питал ко мне, возлюби Его».

Она умолкла. А я в тяжелой горести моей не мог и плакать. Первое, что я сделал, по предании земле праха моей дорогой дочери, было приобретение Святого Евангелия. Я стал читать его и, просвещаемый Духом Святым, сопричислился к смиренным поклонникам отвергаемого некогда мною Спасителя Иисуса.

Какое-то время, погруженный в свои воспоминания, коммерсант сидел молча.

– Упокой, Господи, душу ея в месте злачне, в месте светле, в месте покойне! – вдруг промолвил, перекрестившись, духовное лицо.

Коммерсант легким поклоном головы высказал ему свою благодарность за поминовение им его усопшей дочери.

После этого игумен обратился к сидящей напротив женщине.

– Это ваше первое пребывание в России?

– Нет! Я уже была здесь. По великой милости Государыни Императрицы я путешествовала по Сибири.

– Как это должно быть интересно! Получив направление в один из монастырей Иркутской губернии, я также еду в эти края. Не расскажете ли, матушка, нам о своем путешествии?

– Пожалуй, что расскажу. Было это десять лет назад...

Раздался паровозный гудок. Дым от трубы застил вагонное окошко, и мы, словно бы неведомым образом, очутились в Петербурге 1890 года, когда совсем еще молодая Кэт Марсден, английская сестра милосердия, впервые приехала в столицу Российской империи.

На ней было простое серое платье, белый чепчик и такой же передник с нашитым на нем крестом. В руках все тот же небольшой дорожный баул.

Она остановила экипаж и назвала извозчику нужный ей адрес. Вскоре экипаж останавливается около одного из домов. На табличке с указанием жильцов дома, она находит надпись – «доктор Новиков». Звонит. Ее пропускают в дом. По лестнице она поднимается на второй этаж. И вот уже на пороге беседует с прислугой. Ее впускают в квартиру доктора и провожают до его кабинета.

Увидев Кэт, доктор Новиков встал из-за стола и направился ей навстречу. Здесь мы должны сделать необходимое уточнение, что Кэт Марсден говорит на английском и французском языках и знает отдельные русские слова.

– Радость ты наша, как доехала? Письмо я твое получил. Читал и вспоминал, как вместе раненых выхаживали. Что, не отказалась от своей идеи поехать в Сибирь?

– Не отказалась! – ответила радостная Кэт. – Потому и приехала в Россию. Но мне нужна будет ваша помощь. Кроме вас, у меня в России нет ни одного знакомого человека. Как называется это слово? Вспомнила! – И уже по-русски выговорила: – Круглый си-ро-та.

И оба засмеялись.

– Ты проходи пока в зал, – попросил Кэт доктор Новиков. – Жена устроила там небольшой прием. А у меня есть еще кое-какие дела.

– Сколько я вас знаю – у вас все время находятся, – и далее уже по-русски и весело размахивая над головой руками, копируя манеру доктора, выговорила: – Кое-какие дела.

И вышла из его кабинета. А доктор ласково улыбался, глядя ей вслед.

Гостиная комната в квартире доктора Новикова была заполнена самыми разными людьми. Кэт приветливо встречает Мария, жена доктора Новикова, и представляет ее своим гостям. В тот день там собралось чрезвычайно разнообразное общество: немцы, поляки, французы, итальянцы и русские. Разговаривали о самых разных предметах, и незаметно кто-то из гостей предложил что-то типа игры, в которой каждый из ее участников должен в двух словах постараться рассказать о достоинствах и лучших свойствах своего народа.

Немец слегка попыхтел и произнес:

– Аккуратность и ученость.

Итальянец сначала на пальцах перебрал все, что он хотел бы сказать, но получалось более двух слов. И тогда не без доли некоего позерства сказал:

– Любовь к музыке и живопись.

Но его тут же поправили все гости, так как он произнес три слова.

Далее вышла очередь француза, который с жаром сказал:

– Героизм и любезность.

Присутствующая на встрече уже преклонных лет русская княгиня от пустых разговоров задремала. Француз – как видно, довольно ветреного характера, – видя, что она дремлет, в шутку обратился к ней:

– Княгиня, что же вы ничего не скажете в пользу своего народа?

Старая княгиня слегка приоткрыла свои глаза, понимая, что француз обращается к ней, но выдерживала паузу по какой-то, лишь ей одной известной причине и при этом внимательно всматривалась в лица присутствующих, словно бы искала кого-то.

Возникла неловкая для всех гостей пауза.

В тот же миг, чтобы сгладить нетактичность француза, выступив буквально на полшага из общего круга, в разговор вмешалась Кэт Марсден, чем и обратила на себя внимание старой княгини, а заодно и всех присутствующих гостей:

– Русский народ и так хорош без всякой похвалы.

– Но каким же хорошим свойством он отличается? – удивленно воскликнул француз. – Науки не в цветущем состоянии, живопись, музыка, торговля – плохи, народ невежествен и груб. Он даже, кажется, суевернее испанцев.

– Все это чистая правда, – согласилась с ним Кэт. – Но в характере русского народа, а я это увидела во время войны, когда ухаживала за русскими солдатами, есть одно превосходное качество, которое выше ума и других талантов: готовность к самопожертвованию.

Гости переглянулись между собой. Кто-то из них согласился с этим утверждением. Кто-то лишь пожал плечами от удивления.

А старая княгиня улыбнулась и в знак благодарности чуть склонила в сторону Кэт свою голову.

В это время вдруг растворяется в гостиную залу дверь и вбегает молодой еще мужик – крестьянин Добров со склоченной бородой, – который в чрезвычайной тревоге говорит задыхающимся голосом:

– Кто здесь доктор? Бога ради, поскорее: жена моя умирает!

Жена доктора быстро прошла в соседний кабинет, чтобы передать мужу, что его просят к больной.

Француз имел легкомыслие назвать себя доктором. Мужик повалился ему в ноги и стал просить о помощи. Некоторые засмеялись, но в это время вышел сам доктор Новиков. Мужик теперь понял, кто же здесь на самом деле доктор, и, оставив француза, поднявшись с ног, подошел к нему.

– Ты доктор?

– Да.

– Я слышал, что ты добрый человек. Но я ничего не могу заплатить; жена умирает, не откажи, батюшка, помоги Христа ради.

– Хорошо, я постараюсь, но мне нужно несколько минут, чтобы собраться в дорогу.

Добров понимающе кивнул. И встал под дверью, за которой скрылся доктор, как верный пес, в нетерпении ожидающий возвращения хозяина.

Француз не унимался. Словно бес в этот вечер попутал. И вдруг обращаясь к Кэт, он говорит:

– Я уверен, что вы при всем вашем патриотизме и любви к русским ни за что в мире не решитесь поцеловать это неопрятное существо.

Девушка сначала слегка вспыхнула от столь уничижительного отношения к попавшему в беду человеку, но сдержалась.

– Уж не хотите ли вы биться со мной об заклад? – Кэт было уже самой интересно, чем все это может кончиться. – Сколько поставите?

– Двенадцать червонцев! – самоуверенно выкрикнул в зал француз.

– Хорошо, – принимая условия, ответила ему Кэт. – И я – свои двенадцать. Кладите деньги на стол.

Старая княгиня внимательно наблюдала за тем, как развиваются события.

И вот они оба кладут на стол по двенадцать червонцев. По тем временам это были большие деньги.

– Ну, целуйте, мы смотрим. Что же вы стоите? – сказал француз, уже полностью уверенный в своей победе, торжествующе обводя глазами всех присутствующих в надежде на их поддержку.

Кэт подошла к мужику.

– Любезный друг, – робко начала она, – позволь мне поцеловать тебя, как родителя своего. Я надеюсь, что Господь Бог простит мне этот поцелуй, а вам, может быть, он принесет счастье.

Добров, не понимая французский, спрашивает у стоящего при дверях официанта с подносом, полным напитков.

– Что она хочет?

– Поцеловать тебя.

– Пусть целует, пожалуйста, если ей это нужно, – с выражением горечи в голосе ответил крестьянин.

И тут Кэт поцеловала его.

Все присутствующие шумно зааплодировали этому смелому поступку юной англичанки.

Заклад был выигран.

Француз ошеломлен.

Кэт взяла со стола двадцать четыре червонца и подала их Доброву.

– Вот тебе деньги для помощи семье. Благодарю вот этого господина, – при этом она указала на французского, – он тебе доставил эти червонцы.

– Бери деньги! – подталкивая оробевшего Доброва, вторил ей официант. – Это для твоей больной жены.

Мужик обрадовался. Стал засовывать деньги в рубаху, но часть ассигнаций выпала из дрожащих от волнения рук и рассеялась по полу. Он встал на колени и стал их собирать.

В это время старая княгиня подозвала к себе англичанку.

Кэт подошла и слегка наклонилась.

– У вас очень доброе сердце, милая девушка. Думаю, что не ошибусь, если скажу, что вы сирота.

– Откуда вам это известно?

– Мне много что в этой жизни известно. Знаю, что тебя ждут большие трудности. Но знай и то, что свое счастье ты обретишь здесь, в России.

В это время в зал вошел доктор, готовый выехать к больной.

– Поезжай с ними, ангел ты наш, там может понадобится твоя помощь.

Молодая девушка, еще до конца не осознавая сказанного, словно ведомая кем-то, быстро прошла через зал и вышла вслед за мужиком и доктором Новиковым.

Спустя несколько часов, в больничном корпусе, под дверью, вслушивающегося в происходящее в палате и чуть ли не заглядывающего в замочную скважину, мы увидели мужика Доброва. Но вот дверь палаты открывается. На пороге доктор Новиков и сестра милосердия Кэт.

– Можете успокоиться, милейший, – сказал доктор, обращаясь к мужику. – Все сделано вовремя. Думаю, что дня через три ее можно будет забирать домой.

– Скажите ему, что я побуду с ней, – устало улыбаясь, сказала Кэт. – Пусть он идет домой, к детям.

Доктор перевел слова Кэт Доброву.

– Этого вот и нет. Не дает Господь, а мы уже не молоды.

– Нет? Я не понимаю хорошо по-русски. Нет чего? – переспросила уже доктора англичанка.

– Он говорит, что детей у него нет, – вступая в диалог, ответил ей доктор Новиков.

– Извините! – И снова к Новикову: – Доктор, переведите, пожалуйста, для него, что я не хотела сделать ему больно. А теперь мне надо уйти, женщине нужна моя помощь.

И Кэт вернулась в палату.

Мужик сунулся было вслед за ней, но доктор Новиков закрыл перед ним дверь и увел Доброва с собой.

Этим же утром в царском дворце, в приемной государыни императрицы Марии Федоровны, стоял старший доктор Мариинской больницы с ежедневным рапортом.

Аудиенция закончилась, но императрица не отпускает врача.

– Вы мне не сказали еще, что с тем бедным мальчиком. Хорошо ли прошла его операция?

– Операция еще не сделана... – растерянно отвечает императрице доктор.

– Как? Несмотря на мою просьбу – сделать все, чтобы помочь этому ребенку?

– Умоляю, ваше величество, не гневайтесь на меня. Но этот ребенок, вероятно, не понимает, что он просит. Он сказал, что пойдет на операцию только в том случае, если вы сами будете находиться рядом с ним. И я не посмел доложить вам об этом вчера...

– Как вам не стыдно! За что вы промучили это дитя даром?

Императрица Мария Федоровна взяла в руки небольшой колокольчик.

На его звук вошла придворная дама. И склонилась в ожидании указания от Ее Величества.

– Скажите, чтобы немедленно подали карету. Мы с доктором едем в больницу.

В больничной палате, где после операции лежала жена Доброва-крестьянина, за столиком у окна, подложив руку под голову, спала Кэт.

В палату, уже узнав о приезде императрицы, входит дежурный офицер, совершающий обход больницы.

Кэт просыпается и поднимает голову. Видит офицера.

– Кто вы? – спрашивает ее офицер. – Что здесь делаете и почему в таком платье?

– Не понимаю хорошо по-русски, – отвечает ему Кэт на французском языке. – Я английская подданная, сестра милосердия Кэт Марсден. Приехала в Россию вчера утром, чтобы иметь возможность договориться о встрече с государыней императрицей.

– Кто вам сообщил, что государыня императрица будет сегодня в больнице?

– Видит Бог, никто. Я приехала сюда с доктором Новиковым. И всю ночь провела у постели этой женщины, которой вчера вечером была сделана операция.

– Я вынужден просить вас пройти со мной.

И прежде чем Кэт вышла из палаты, офицер прошел к окну, внимательно все осмотрел и лишь затем вышел вслед за ней.

В детское отделение больницы, после операции, на тележке ввозят мальчика. Рядом с тележкой идет сама государыня императрица. Ее рука лежит на ладони ребенка.

Приход государыни императрицы в детское отделение больницы был встречен всеобщим детским ликованием. Дети, способные уже сами передвигаться, с радостными лицами бросились к ней навстречу. Она почти всех знала по имени. Справлялась о здоровье.

В этот раз она привезла им картинки, карандаши и разные безделушки и, конечно же, лакомства, которые так любят дети.

Камергер двора его величества Сиверс с помощью двух придворных дам, сопровождавших государыню, уже выкладывает подарки на стол, дамы раздавали их детям.

Государыня императрица наблюдала за тем, как прооперированного мальчика перекладывали на кровать.

В больничном коридоре доктор Новиков сталкивается с Кэт, которую сопровождает офицер.

– В чем дело, офицер? Какие-то проблемы? Это моя ассистентка, – произнес он.

И уже забыв про офицера, обращается к самой Кэт:

– Ты не поверишь. Это судьба. Божьим промыслом государыня императрица сегодня сама приехала в больницу. Она только что присутствовала на операции. Пойдем, я тебя представлю. Без ее доброго покровительства тебе не удастся в России ничего сделать.

И пошли, оживленно переговариваясь, оставив офицера одного.

Они нашли государыню императрицу в палате для новорожденных.

В этой палате лежали подкидыши. К этим детям государыня подходила сама. Кормилицы раскрывали перед ней детей. Она нежно целовала их ручки и ножки. Заодно внимательно осматривала белье на кормилицах.

Государыня, увидев вошедшего в палату доктора, пошла к нему навстречу.

– Прости, что без предупреждения пришла. Но так оно и лучше. Суеты меньше. – И после небольшой паузы, добавила: – Да и как не приходиться к этим подкидышам. Все эти брошенные дети теперь ведь мои и во мне должны находить попечение, которого оказались, лишены в своей жизни.

А затем перевела свой взгляд на Кэт.

– Кто этот ангел? Почему не представишь?

– Я вам уже как-то рассказывал. Это англичанка, сестра милосердия Кэт Марсен, та девушка, что была со мной в военном госпитале. Она хотела бы просить вашей помощи.

В это время Кэт сделала глубокий реверанс.

Государыня подошла к ней. Рукой коснулась подбородка. Посмотрела в глаза. И на английском языке спросила:

– Чай пить любишь?

В больничной столовой уже все было приготовлено для традиционного чаепития. Государыня императрица сидела в центре небольшого чайного стола. За столом находились камергер двора его величества Сиверс, доктор Новиков, англичанка Кэт и две придворные дамы. Дежурный офицер был у дверей.

За императрицей ухаживал Сиверс. Остальные обходились за столом сами. Говорили свободно. Присутствующие, а более всего Кэт увидели в ней ласковую и добрую хозяйку, а не Императрицу.

Поставив чашку чая на стол, государыня обратилась к Кэт:

– Путешествие, на которое вы просите у меня разрешения, будет трудным. С другой стороны, эти неизлечимые, отторгнутые обществом, эти несчастные вызывают к себе величайшее сочувствие и сострадание. Нельзя не одобрить и не поддержать вашего благородного и человеколюбивого предприятия. Я скажу, чтобы вас снабдили необходимыми денежными средствами и письмом, которое обеспечивало бы вам помощь и мое покровительство в течение всего вашего путешествия по Сибири.

Доктор Новиков и Кэт радостно переглянулись.

– Сиверс! – Далее она обращалась к своему камергеру. – Я хочу попросить тебя об одной услуге для меня. Прошу не как твоя государыня и императрица, а как мать, отправляющая свое дитя в опасное путешествие. Будь для нашей гостьи заботливым наставником и переводчиком. А главное, посмотри внимательно, что там, в Сибири, делается. Да ты и сам знаешь, не мне тебя учить...

Сиверс молча склонил свою голову, выражая этим полное понимание и свое согласие.

И императрица снова обратилась к Кэт:

– В Уфе посетите преосвященного Дионисия, который более сорока лет был миссионером в Якутии и истинно жалкое положение несчастных прокаженных видел сам. По благополучном возвращении обо всем мне доложите, и на основании ваших сообщений мы постараемся найти необходимые средства на устройство там постоянного для них приюта, в котором если и бессильна медицинская помощь, то, во всяком случае, больные могли бы найти необходимые условия человеческого существования.

Государыня императрица встала. Все последовали ее примеру.

– Неделю вам на сборы, – произнесла она, обращаясь более к Сиверсу. – Я скажу князю Ивану Голицину, чтобы он подготовил для вас сопроводительное письмо, которым обяжем местные власти оказывать вам помощь и покровительство. И пока дорога позволяет, с Божьей помощью отправляйтесь в путь...

Резкий звук паровозного гудка. За ним следует сцепка вагонов. И мы снова в вагоне поезда, который уже дошел до Москвы.

Поезд останавливается. И нахлынувшая волна встречающих заполнила весь перрон. Снующие носильщики. Продавщицы цветов и, конечно же, снова зеваки.

Коммерсант поднимается и, сняв с верхней полки свой саквояж, прежде чем выйти из купе, обращается к Кэт:

– Мисс Марсден, я как ваш соотечественник, глубоко тронут и пленен рассказанной вами историей. И очень сожалею, что мне придется выйти, не дослушав ее до конца. Но если в вашей жизни вдруг случится беда и вам нужна будет чья-то помощь, кроме Господа, естественно, я готов оказать вам всяческое содействие.

Он поклонился всем и вышел.

Когда за ним закрылась дверь, раздался голос игумена Сергия:

– Какие испытания выпали на долю этого человека! И как он сумел обрести себя во Христе! Неисповедимы пути Твои, Господи. Кстати, а вы действительно имели счастье видеть преосвященнейшего Мелетия?

– Да! Такая встреча состоялась уже в июле 1890 года. Но до этой встречи еще много чего пришлось пережить...

В это время поезд резко тронулся и по вагонам прокатилась встряска.

И вскоре Кэт, по просьбе игумена, продолжила свой рассказ:

– В Уфе, по совету Императрицы, мы встретились с епископом Уфимским и Мензелинским Дионисием, который больше 40 лет был миссионером в Якутии. Он рассказал мне о тяжелом положении якутских прокаженных и подтвердил слухи о траве, сообщив ее название. В Златоусте мы сошли с поезда, и далее несколько тысяч километров мы передвигались уже на санях. Проехали Екатеринбург, Тюмень и Омск. Уже в Иркутске мы были приняты генерал-губернатором Горемыкиным. После нашей с ним встречи и получив надлежащие письма от императрицы, он выступил инициатором организации комитета по оказанию помощи прокаженным. После того как я выехала из Иркутска в Якутск, большую часть пути пришлось проехать по реке Лене. Хотя путешествие до Иркутска было нелегким, но это было ничто по сравнению с тем, что пришлось перенести мне на воде. Три недели мы ехали в паузке, не имея возможности раздеться или переменить одежды; спали где попало, между грузом, питались самой простой пищей.

Кэт рассказывала, а игумен уже видел все это своими глазами...

...Раннее утро на Лене. Нагромождение скалистых уступов. Удивительной красоты леса, словно бы вспарывающие туман своими верхушками, резкие и непривычные для городского человека крики птиц.

Или же утренний туман, когда не видишь на расстоянии вытянутой руки, и вдруг мощной силы удар по воде, который производит крупная рыба, выскочившая из глубины вод в погоне за мелкой рыбешкой, заставляющий вздрагивать даже бывалого человека.

А вот красавица-медведица, лакомящаяся пойманной рыбой. Вокруг играющие друг с другом медвежата, которые, лишь учуяв посторонние звуки и завидев идущее по реке судно, затрусили под спасительные широкие кроны елей.

Кэт даже пробовала ловить рыбу. Вначале Сиверс увлеченно помогал. Но каждый раз она выпускала пойманную рыбу обратно. Ей не хотелось видеть, как та будет умирать в мучениях у ее ног. Сиверс махнул на это рукой. И следил лишь за тем, чтобы она сама за борт не вывалилась.

Судно продолжало свое монотонное движение. Сиверс и сам уже не выдерживал, часто перегибаясь за борт. Его мутило.

Что же тогда говорить о молодой девушке, которая к концу этого путешествия лежала словно куль, почти без движения и вся зеленая лицом...

Когда они наконец-то добрались до Якутска, то там же, на берегу Лены, имели возможность сходить в баню.

Кэт в ней чуть не угорела. Местные бабы вытащили ее полуживую на воздух.

Когда Сиверс увидел, что Кэт на руках выносят из бани, то бросился к ней.

– Убью, дуры. По этапу у меня в Сибирь пойдете...

Бабы, более от неожиданности, чем со страху, чуть не уронили девушку.

– Куда уж далее-то? И так уж, почитай, в самой Сибири, – молвила в ответ банная девка Фрося – самая молодая из них.

Сиверс понял, что, действительно, дальше и послать их уже некуда, и более спокойным голосом:

– Что с ней? Да прикройте же ее, нехристи. Она же ангельского чина.

Одна из женщин уже сама вынесла большой плат и прикрыла им Кэт.

– Да кто же знал, что она по-нашему-то не понимает, – отвечала все та же Фрося. – Я спрашиваю: парку-то поддать? А она знай улыбается да головой кивает. Я и поддала. А она опять головой кивает. Я и поддала...

– Тебе самой не мешало бы по одному месту поддать.

– Так я и не против. Особенно после баньки-то. Совсем не против...

Сиверс внимательно посмотрел на эту ядреную, раскрасневшуюся от жара девку, которая сама была в легкой мокрой ночной рубашке, плотно облегающей ее красивое молодое тело.

– Кто же она такая, что вы весь, как петушок молодой, вокруг нее ходите?

– Да почитай, что самой государыни императрицы Марии Федоровны как дочка будет... – после небольшой паузы ответил Сиверс.

Бабы, стоящие вокруг Кэт и до этого слушавшие перебранку Фроси с Сиверсом, сразу же переключили свое внимание на девушку. Это когда же еще в Сибири «императорскую дочку» живьем-то увидишь?

Но вот Кэт открыла глаза. И все вздохнули с облегчением. А Фрося пошла в баню, но на пороге задержалась и, загадочно улыбаясь, внимательно посмотрела на Сиверса...

Владыка Мелетий, епископ Якутский и Вилюйский, стоял на коленях на молитвенном правиле в своей резиденции. Вошедший в палаты юноша склонился над епископом и сказал о приезде гостей. Владыка перекрестился. С помощью церковного служки уже престарелый архиерей поднялся с колен и опустил в стоящее рядом кресло.

Кэт и Сиверсу разрешили войти. Они оба склоняются под благословение владыки. И затем по приглашению Мелетия рассаживаются в стоящие рядом кресла.

– Вот ты, оказывается, какая, – начал владыка, всматриваясь в лик молодой девушки. – Я представлял тебя немного старше. Матушка императрица мне отписала все про тебя. И про то, что на войне с нами была, и про твое желание найти лечебную траву для несчастных. Есть такая трава. Сам ее видел.

И тут владыка улыбнулся.

– Хотя, дочь моя, как ты и сама понимаешь, трава может быть самой разной, все в руках Божьих. К тому же мне хорошо известны все трудности, лишения и опасности, через которые тебе надо будет пройти, чтобы добраться до бедных прокаженных. Однако сейчас время обеда, и я приглашаю вас разделить со мной мою трапезу. В дороге-то вас никто уже так не накормит.

Все встали. Послушник поддерживал преосвященного Мелетия.

Кэт и Сиверс выходят вслед за владыкой из кабинета, и двери закрываются.

Столовая в резиденции преосвященного Мелетия была скромной. Стол на двенадцать персон да угловой резной иконостас.

Епископ после молитвы благословил трапезу. Сам он сидел в центре стола. По правую руку от него был Сиверс, а по левую сидела мисс Кэт Марсден.

За столом им прислуживал юный послушник.

Стол был накрыт преимущественно рыбными блюдами, но их разнообразие и красота, отменное приготовление очаровали Кэт, которая не забывала при этом слушать и Мелетия.

– В Якутии, – негромко говорил он, – вы познакомитесь с отцом Иоанном Винокуровым, который по моей просьбе будет сопровождать вас на всем пути вашего следования. Это удивительный человек. Настоящий подвижник. Трогательно видеть его любовь к несчастным страдальцам. Он единственный, пожалуй, человек, который не боится посещать их. И поэтому истинно он – отец им и они ему – духовные чада, как он их всегда называет. Во всю свою жизнь не видел я более преданного Христу человека: любовь к Спасителю побеждает для него все трудности и опасности, лишь бы иметь возможность повествовать этим несчастным о Христе.

Однако, видя, что гости уже прекратили трапезу, епископ поднялся. Все последовали его примеру.

– Мои молитвы будут сопровождать вас на всем этом пути. А теперь давайте возблагодарим Бога за ниспосланные нам дары...

И юный послушник начал читать благодарственные молитвы по вкушению пищи.

Из Якутска сформированный экспедиционный обоз двинулся по Вилюйскому тракту, и мы можем познакомиться с его новыми участниками.

В Якутске, стараниями Сиверса, экспедицию пополнили исправником Зазыбовым и фельдшером Фоминым.

Экспедиционный обоз включал в себя три телеги, наполненные теплой одеждой, продуктами и медикаментами, десять верховых и три запасные лошади.

В состав экспедиции губернатором были выделены два солдата. Более для видимости, чем для охраны английской подданной, которой была Кэт Марсден.

А уже перед самым отправлением пришли отец Иоанн Винокуров и обер-офицер лейб-гвардии Казачьего полка Даниил Прокофьев. О том, что отец Иоанн окормляет прокаженных в этих местах, Кэт уже слышала от владыки Мелетия.

Батюшка был чуть выше среднего роста, довольно легким на подъем и очень пластичным в своих движениях. Русые вьющиеся волосы были убраны назад. По своим годам он был ровесник Сиверсу. То есть им обоим было за пятьдесят. Но вот глаза отца Иоанна были удивительно молодыми. Можно даже сказать, что в них проскальзывали веселые смешинки, сохранившиеся в нем еще с самого детства. Да и сам весь словно бы светился, каким-то внутренним неуловимым, но хорошо ощутимым светом и любовью, которая чувствовалась при общении с ним.

Молодой обер-офицер Прокофьев сам вызвался в экспедицию, – о чем поведал Кэт Сиверс, – когда услышал, с какой целью они идут в эти опасные места. К тому же он умел

хорошо обращаться с лошадьми, а это было чрезвычайно важно потому, что весь последующий путь порядка 2500 верст участникам экспедиции предстояло проехать верхом.

Это был молодой казак 26 лет от роду. С детства приученный к работе с лошадьми и владению оружием. Роста выше среднего. Хорошо сложенный. Белокурый, с черными как смоль усами.

Благословясь, тронулись. Первое время еще балагурили, но во второй половине дня все уже порядком подустали. Солнце клонилось к зениту. Особенно трудным это путешествие оказалось для Кэт, которая до сих пор никогда не ездил верхом, но изо всех сил старалась держаться.

Вскоре сделали привал. Наступила ночь. Солдаты были выставлены на охранение. Фельдшер Фомин уже давно спал в палатке. Вокруг костра Кэт, Сиверс, Даниил, исправник Зазыбов и отец Иоанн. Даниил следит за огнем.

Все со вниманием слушают отца Иоанна.

– Человек, как говорит мой санкт-петербургский духовник и тезка отец Иоанн Сергиев (Кронштадтский. – *Авт.*), – чудное, прекрасное, величественное творение Божье. К нему и подходить надо с любовью. Как к цветку, как к камню драгоценному. А что значит подойти? Не учить его, как надо жить, это он и без нас с вами знает, а молиться. Молиться так, чтобы молитва твоя о нем пред Господом дышала любовью и исходила от всего сердца твоего. И ты вскоре сам увидишь перемену в том, за кого молишься. Особенно с инородными и прокаженными. Сколько им приходится перестрадать, никто никогда не поймет. Во всем свете нельзя найти людей более несчастных, чем они. Здесь наскоком нельзя. Особенно в том, что касается веры во Христа. Был здесь до меня один батюшка. То ли выслужиться хотел, то мне неизвестно, но чуть ли не силком якут по лесам отлавливал и крестил. Больные ли, здоровые – все одно.

В разговор вступает исправник Зазыбов:

– Я думал, что только у нас такие инициативные, а оказывается, и в вашем «департаменте» встречаются.

Его поддержал Даниил:

– Нет ничего опаснее инициативного и услужливого дурака. И что же? Чем закончилась эта история?

– В тот год зима была лютая. Снежная. Забрался он в одно дальнее поселение. И так завьюжило, что и выйти было уже нельзя. Да и куда идти? Метель. Неделя прошла. А там и продукты уже на исходе...

И тут свой интерес к этой истории проявила Кэт:

– Ну, и что же дальше?

– Съели они его. Вот что.

И тут Кэт чуть не поперхнулась чаем.

– А потом, как он их научил, поблагодарили Бога за свое спасение.

Тут уж Даниил всласть и во весь голос рассмеялся.

Сиверс вытирал слезу, выступившую на глазах.

– Тут уж и сам не знаешь, что делать. Смеяться или плакать, – закончил свой рассказ отец Иоанн.

Какое-то время все сидели молча. Костер медленно догорал. Небо было усыпано звездами.

...Экспедиционный обоз шел вторую неделю. Сильная жара днем, холода ночью; мириады комаров и насекомых ослепляют глаза и наполняют вам рот и нос. Сырость от болот, опасность от медведей; пища, состоящая обыкновенно из черных сухарей и чая.

Местные жители по одному, а то и целыми группами появлялись на всем пути следования нашего обоза, и там, где невозможно было проехать, они расчищали дорогу, а по болотам,

наиболее опасным и непроходимым, строили мосты (стелюги). Но каждый раз по мере приближения самой экспедиции словно бы растворялись в лесу.

Когда солнце было в зените, они вышли к озеру Абунгда. Экспедицию встретили выборный староста и якуты в числе до 20 человек.

Как только Кэт сошла с лошади, то все якуты от мала до велика упали перед ней на колени. Молодая девушка с недоумением обратила свой взор к Сиверсу.

– Не удивляйтесь, – сказал тот. – В Сибири молва всегда идет чуть впереди. Для них вы небесный посланник. Иными словами – ангел.

Взрослая часть населения в это время уже подносила к ногам девушки шкуры редких зверей. Ставили емкости, наполненные медом диких пчел. Резные изделия.

Сиверс отрядил солдат складывать подарки на телегу.

– Что вы делаете? – воскликнула девушка. – Это какая-то ошибка...

– Обидятся. Еще хуже будет, – тихо промолвил в ответ Сиверс, перебирая руками жаркий мех.

– Делайте, как знаете.

Затем всех пригласили к огню, предложили чай. Кто-то из якутов уже кормил их лошадей.

Пока мужчины готовились продолжить путь, несколько женщин помогли Кэт уединиться и искупаться в озере. В такое время года они уже не входят в воду и с любопытством смотрели на то, как она плавала. Улыбались и покачивали головами.

Кэт уже ждали. Правда, в этот момент раздался оглушительный гром. Лошади встрепнулись. И сразу же пошел сильный ливень. Пришлось оставаться и натягивать тенты, готовясь к ночевке в этом месте.

Следующим утром в Гуккель двое мужиков везли продукты. Степан уже третий год, как возил прокаженным еду, выделяемую для них поочередно жителями его села. В этот раз сосед Павел упросил его взять с собой. Работы все были закончены. Охотничий промысел еще не начинался. Они ехали уже почитай второй час, и Степан продолжал свой рассказ.

– Когда прокаженный умирает, то он остается в юрте вместе с живыми до трех дней. Спят без подстилки. Почитай просто на голой земле. Если есть какой скот, то он находится в той же юрте.

– Кто сказал или сам видел?

– Когда у них оспа началась, я туда доктора привозил. Он и рассказывал. Сам, правда, к ним так и не подошел. Посмотрел издали. Посыпал вокруг каким-то порошком и сразу назад. Мы тогда с ним руки водкой промывали. А потом уже и сами выпили.

Телега дошла до места, отмеченного большим камнем. Метрах в ста от него стояла юрта. Как правило, больные их всегда встречали, выползая на улицу. Но в этот день никого не было видно.

«Спят они, что ли?» – подумал Степан, а потом взял свое ружье и выстрелил в воздух.

– Ты что делаешь? Совсем обалдел? – пытался остановить его сосед.

Но вот из юрты вышла маленькая девочка-якутка.

Первым увидел ее Павел.

– Совсем ребенок. А matka-то где же?

– Нет матки. Пожалуй, никого у нее уже нет.

И тут Павел увидел, как девочка с трудом стала подтаскивать к порогу чей-то труп.

Степан уже доставал из мешка бутылку с самогомом. Открыл ее и налил себе полный стакан.

– Упокой, Господи, их души! – сказал и выпил, а потом протянул стакан Павлу.

Павел пить не стал. Он молча смотрел на то, как ребенок пытается вытащить из юрты первого покойника.

Степан вытащил из-под соломы лопату и пошел копать яму.

«И зачем только я с ним поехал?» – подумал Павел, а потом встал с телеги и пошел помогать Степану копать могилу.

В это время девочка подтаскивала к выходу из юрты второго покойника.

Парни справились с могилой быстро. Почва песчаная. Копалось легко.

Девочка сидела и молча смотрела на то, как они работали.

Затем Степан выпряг из телеги свою лошадь. Вытащил заготовленную заранее крепкую веревку. Не доходя до юрты метров тридцать, бросил веревку девочке. Та уже знала, что надо делать. Бедный ребенок привязывал веревку к ногам покойного, и с помощью лошади Степан оттаскивал труп к яме, где и оставлял. После чего он отводил лошадь. А девочка должна была столкнуть труп в яму. И все повторялось снова...

Девочка отошла к юрте, где села на землю и внимательно наблюдала за тем, как Степан забрасывает яму землей.

Павел уже вернулся к телеге. Вскоре подошел и Степан со своей лошадей. Пока он ее запрягал, Павел уже успел налить себе полный стакан самогонки и выпить.

– Поехали, Павел, – сказал сосед, усаживаясь на телегу. – Уработался я что-то сегодня.

Павел молча сел на телегу, и они поехали. И поселок, и девочка вскоре остались за поворотом. И тут Павел соскочил с телеги и какое-то время шел рядом, а потом и совсем остановился.

Степан приостановил лошадь.

– Брось, Павел, не чуди! – сказал он соседу.

– Неужели ты ничего не понимаешь? Или у тебя совести совсем не осталось? Это же дитя малое, ребенок. И ты хочешь оставить его здесь одного на растерзание волкам? Это же Божье создание. Ее-то в чем вина?

– Знай одно – назад ходу не будет! – зло бросил ему в ответ Степан. – Да я тебя и сам пристрелю, если вдруг вздумаешь вернуться!

– Скажи моим парням, пусть завтра принесут к камню ружье и топор. Уже, поди, не малы, сами проживут.

– А жене-то что передать?

– Скажи, что люблю. Но ответ за дите, пусть и чужое, придется держать перед Богом.

«И зачем только я его взял с собой?» – подумал Степан и быстро погнал лошадь домой, так ни разу и не обернувшись назад.

Павел, проводив соседа взглядом, повернул в обратную сторону.

Утром следующего дня на взгорке у камня стояли три парня-погодки. Один держал ружье. Другой – топор. А третий – одежду, что прислала мать.

Павел, не доходя до детей метров двадцать, опустился перед ними на колени.

– Сынки, не поминайте батьку лихом. Чему мог, тому научил. Мать берегите. Бога не забывайте. В трудную минуту друг друга поддерживайте. Спасибо за вещи. И ступайте с миром.

Павел, продолжая оставаться на коленях, смотрел, как дети медленно повернули в сторону дома. По его щекам потекли слезы. А когда они скрылись с глаз, то упал на землю и громко, во весь голос, зарыдал.

А когда через какое-то время он поднял голову, то перед ним уже сидела девочка-якутка и молча смотрела на него.

Экспедиционный обоз в это же самое время перешел вброд небольшую, но стремительную речку и шел по бездорожью сквозь лесную чащу. И тут исправник остановил свою лошадь, а так как он двигался впереди обоза, то и весь обоз сделал вынужденную остановку.

Сиверс подъехал к Зазыбову.

– Что там?

– Кажется, медведь. И крик. Возможно, человеческий. Надо бы проверить.

Сиверс дал команду, чтобы Фомин, Кэт, батюшка Иоанн и охрана обоза оставались на месте. А сам с Даниилом и исправником Зазыбовым поскакали вперед.

Англичанка дождалась, пока Фомин перевел ей на французский то, что сказал Сиверс. Выслушала. Все поняла и, прищипорив свою лошадь, поскакала вслед за ними...

– Мисс, остановитесь, – кричал ей вслед фельдшер Фомин. – Вам туда не велено...

Вскоре она их догнала. То Сиверс, то Даниил поочередно выступали во главе этого небольшого конного отряда, словно бы желая тем самым как бы ускорить ход самого времени.

Рев зверя и даже человеческие, если это можно было назвать человеческими, крики были слышны уже совсем рядом.

И в этот момент лошадь Кэт неожиданно для всех вырвалась вперед...

Вдоволь наигравшись с прокаженным, медведь уходил к лесу, вяло реагируя на тявканье небольшой собаки, пытавшейся защищать своего большого хозяина.

В это самое время на поляну вынесло лошадь Кэт.

Конь, почуяв медведя, сделал свечку и, сбросив с седла девушку, умчался прочь.

Медведь, уже в свою очередь увидев лошадь и всадника, быстро развернулся в их сторону и с ревом стал подниматься на задние лапы.

Даниил и Сиверс уже соскочили со своих лошадей и теперь выбежали на край поляны. Они увидели медведя, приближающегося к Кэт, которая от удара на землю еще не пришла в сознание.

Даниил выхватил из ножен казачью саблю. И со словами: «Попытайтесь оттащить Кэт!» – бросился под медведя как раз в тот момент, когда он всей своей массой уже готов был обрушиться на девушку.

Зверь сам напоролся на подставленный офицером клинок. Взревел. Выгнулся дугой.

Даниил в это время успел нанести еще несколько ран, проворачивая клинок в утробе зверя.

Сиверс оттащил Кэт в тот самый момент, когда медведь, заваливаясь, подмял под себя Даниила...

Когда Кэт пришла в себя, то увидела Зазыбова, который с ее лошадью выходил на поляну.

На первом белом снегу была хорошо видна кровь практически разорванного на куски несчастного прокаженного.

Отец Иоанн, прикрыв останки плащом, читал соответствующие случаю молитвы.

Солдаты охранения уже успели вырыть могилу. Фомин из веток сделал небольшой крест.

Батюшка взял на руки то, что было прикрыто плащом, и бережно передал одному из солдат, успевшему опуститься в могилу.

Испачканная в чужой крови, слегка припадая на одну лапу, собака, почти что щенок, потерянная ходила среди людей.

Кэт уже полностью пришла в себя и теперь лишь молча наблюдала, как несчастного предавали земле.

Могилу засыпали землей. Отец Иоанн поставил крест.

Вскоре обоз готов был двигаться далее.

Девушка вместе с фельдшером Фоминым и Сиверсом стояла у телеги, на которой лежал Даниил.

Фомин шутил:

– Для того казак родится, чтобы царю на службе пригодиться.

Сиверс перевел Кэт слова этой известной поговорки.

Даниил попытался подняться.

– И даже не пытайтесь, – встрепенулся фельдшер. – Слава Богу, что легко отделались. Но я не исключаю легкого сотрясения мозга. – И уже обращаясь к Кэт, добавил: – Не разрешайте ему подниматься.

Вскоре обоз продолжил путь.

Кэт ехала рядом с телегой, на которой лежал Даниил. Несколько царапин и слегка помятые кости дали возможность фельдшеру проявить свою власть и уложить молодого офицера на телегу. Лошадь Даниила была привязана к телеге и шла позади нее.

Всю дорогу через лес она что-то увлеченно рассказывала Даниилу. Иногда склонялась над ним и отбрасывала с его лица веточку или иную соринку, спустившуюся на него с деревьев, под которыми проходил обоз.

Одна беда, она не знала, что Даниил ни слова не понимал из того, что Кэт так мило лепетала ему по-французски. Он лишь улыбался ей в ответ. И тискал оставшуюся без хозяина собаку, которую она же и посадила ему в телегу.

Он несколько раз порывался привстать, но Кэт его сразу же укладывала. И вообще вела себя с ним, как настоящая сестра милосердия.

Вскоре отряд вышел к новому поселению прокаженных. Впереди показались юрты. Их уже ожидали. И как только заметили, склонились к самой земле. Кто-то просто встал на колени.

Исправник Зазыбов сразу же начал раздавать теплые вещи и продукты, отмеряя в одни руки и одежду, и часть продуктов.

Фельдшер, в свою очередь, внимательно осматривал больных.

Один из них принес траву, которой интересовалась Кэт, и теперь отец Иоанн рассказывал ей о том, как ею правильно пользоваться больных.

После того как было роздано вспомоществование, было предложено вознести молитвы о здравии ее императорского величества государыни императрицы Марии Федоровны.

Отец Иоанн начал готовиться к чтению благодарственного молебна. В юрте установили выделанный из березового ствола стол, на котором батюшка раскладывал иконы, возжигал свечи. Бережно разворачивал Святое Евангелие. Выкладывал крест, кадило и другие предметы церковного обихода...

В юрте начался молебен. Нельзя было без слез видеть их на коленях, крестящихся исхудалыми руками, часто без пальцев, едва поднимающихся от слабости, видеть их лица, страшно обезображенные этой болезнью, и глаза, в которых вы можете прочесть, что всякая надежда у них потеряна.

Вдруг отец Иоанн запел, благодарственные к этому случаю, тропари. Он пел удивительным, чистым детским голосом, который никак не вязался с самим обликом этого пятидесятилетнего священника.

Свеча, находившаяся в его руках, высветила удивительный в своей строгой красоте лик священнослужителя, стоявшего пред Господом на молитве.

В световой круг вслед за ним, и – к нему, а значит, и – к Господу нашему Иисусу Христу, стали подтягиваться прокаженные. Многие не могли ходить, и они тянули к нему свои больные тела при помощи табуреток.

Словно мотыльки, слетались они на огонек его свечи, опалились через Слово Божье, звучащее в этой убогой юрте, и каждый из них, как та птица феникс, возрождался в горниле молитвы, звучащей в устах отца Иоанна.

И там, где только что была жизнь без надежды и без всякого утешения, произошло разительное изменение.

Прокаженные, словно дети малые, заулыбались. В это мгновение Кэт искренне уверовала, что они, через отца Иоанна, действительно общались в этот момент с самим Богом. И понимала всем своим сердцем, что молитвы эти были Им услышаны.

Вместе с молитвами все словно бы возносились в это мгновение над самой юртой и молившимися в ней.

Над поляной, где она стояла, и над людьми, безмолвно застывшими вокруг юрты, в слушании молитвы своего собрата.

Все поднимались вверх, подхваченные пламенем христианской любви, над полями и лесами, ее реками и морями, уже над самой страной.

Возносились туда, где миром правила сама любовь.

... В Якутию пришли заморозки. Река покрылась коркой крепкого льда, когда обоз подъезжал к юрте, рядом с которой был срублен новый деревянный дом.

Павел с девочкой вышел на улицу. На девочке-якутке были огромные валенки и подвязанная веревкой рубашка самого Павла. На голове светлый платочек.

Остановились. Стали разгружаться. Отец Иоанн и фельдшер подошли к девочке, чтобы осмотреть ее.

Даниил занимался лошадьми. Их надо было накормить и напоить. Сиверс о чем-то разговаривал с Павлом, когда к ним подошел отец Иоанн и фельдшер Фомин.

– Такое впечатление, что у девочки была страшная оспа. И вполне возможно, что можно рассчитывать на ее скорое выздоровление.

– Отец Иоанн, – обратился растроганный мужик к священнику. – Не могли бы вы окрестить девочку?

– С великой радостью. Сейчас же и начнем готовиться к таинству. А ты, Павел, ступай пока к реке да выруби в ней иордань.

Кэт показывала и передавала девочке оставшиеся в багаже книжки и игрушки. И о чем-то, как могла, пыталась разговаривать с ней.

Павел топором вырубал Иордань.

Даниил помогал, выгребая из проруби лед.

Фельдшер, исправник и Сиверс уже пили чай.

Через какое-то время на взгорке у знакомого нам камня появились трое сыновей Павла. Вместе с ними шла женщина – их мать и жена Павла – Екатерина.

В это самое время отец Иоанн уже окунал худенькое тело Софии, так решил назвать ее Павел, в ледяную прорубь.

– Крещается раба Божья София во имя Отца. Аминь! И Сына. Аминь! И Святого Духа. Аминь!

Павел держал в руках свой тулуп, в который принял девочку и передал ее в руки Кэт, нечаянно ставшей ее крестной мамой.

А батюшка стал помазывать ее святым миром.

Женщина поклонилась в пояс своим сыновьям. И широко рукой перекрестив их, благословила на самостоятельную жизнь. И затем, с небольшим узелком, стала спускаться с горы, слегка утопая в первом снегу.

Екатерина подошла к участникам таинства, когда отец Иоанн уже причастил Софию Святыми Дарами.

Поклонилась низко в пояс всем присутствующим. И молча взяла у батюшки благословение.

А затем, повернувшись к Павлу, также молча, со всего маха, врезала ему звонкую пощечину.

Сиверс, вышедший в это время на крыльцо, аж крикнул от удовольствия.

Павел так просто рухнул в сугроб.

Екатерина приняла из рук Кэт девочку и медленно пошла в сторону дома, срубленного Павлом, который с этого момента становился и домом для их семьи.

Павел развел руками, словно бы прощаясь со всеми. И хотел было последовать за женой, но его окликнула Кэт:

– Подождите! – сказала она, снимая с шеи свой серебряный крестик. – Примите это от меня в подарок. Для девочки. Пусть она никогда не забывает Господа Бога и этого удивительного дня.

И она передала смущенному Павлу свой подарок.

– Мир вашему дому! – произнес священник и широким крестом благословил уходивших в сторону дома Екатерину с девочкой и Павла.

Понимая, что посетить все поселения прокаженных они уже не успевали, так как началась зима, Сиверс предложил разделить экспедицию. Далее он поехал с отцом Иоанном, а Кэт было поручено сопровождать Даниилу. Основной же состав экспедиции с фельдшером Фоминым и исправником Зазыбовым уже пошел в направлении Якутска.

Лесная дорога, по которой они ехали, вскоре вывела их к реке.

Перекрестившись, Даниил тронул лошадь по первому льду. Полынья оказалась буквально в двух метрах от противоположного берега.

Даниил с силой стеганул коня, который выскочил на берег и вытянул за собой возок с поклажей. Кэт же не удержалась и вывалилась из саней прямо в ледяную полынью. Тулуп быстро намок и камнем потянул ее ко дну.

Когда Даниил оглянулся и увидел, что девушки в возке нет, он мгновенно сбросил с себя свой тулуп и нырнул в полынью вслед за ней.

Потом они стояли на лесной поляне, в самом ее центре, где Даниил разложил гигантский костер. Им обоим пришлось раздеться. Кэт пыталась несколько раз отвести свой взгляд от этого человека, который уже дважды, рискуя своей жизнью, спас ей жизнь, который претерпел столько лишений, чтобы помочь им в этой экспедиции.

Но что-то было в ней и сильнее ее, что вновь и вновь, сквозь огонь и заволакивающий дым, заставляло Кэт всматриваться в это удивительное лицо и совершенное тело Воина и Мужа.

Кэт, посвятившая себя Богу и несчастным прокаженным, сейчас сама была несчастнейшим из людей. Потому что выжить после всего того потрясения, что они перенесли в этих лесах, можно было лишь через иное, еще более мощное потрясение.

Через любовь. И она первая пошла к нему навстречу...

И в тот момент, когда эти Божьи создания воссоединились, пылающий костер словно бы вздрогнул и изверг из себя миллиард светящихся золотистых искр, вброшенных в небо чьей-то могучей рукой.

Кэт и Даниил и сами уже парили где-то высоко-высоко.

Утром солнышко высветило мирно стоявшего коня рядом с возком, где, запорошенные снегом, спали два самых счастливых человека на земле.

В самом Якутске, в доме генерал-губернатора Горемыкина, готовились к торжественной встрече участников экспедиции.

В гостиной, стоя перед зеркалом, поправляла свою прическу жена губернатора. Ее муж был с ней рядом и терпеливо дожидался, когда жена справится со своим туалетом.

– Что происходит в нашем Богом забытом отечестве, если англичане приезжают в Сибирь, чтобы учить нас жить... – произнесла она.

– Радость моя, но вот тут ты не права, – пытаюсь успокоить жену, начал губернатор. – Ее приветила сама государыня императрица. Благословил преосвященный Мелетий. Съездила бы с ними. Глядишь, весь почет самой бы и достался.

– Что же ты раньше-то не надоумил? Да, слава Богу, Господь уберег.

– Дорогая, мы задерживаем начало торжественной церемонии.

Генерал-губернатор подал жене руку, и они вместе вышли в зал приемов.

В зале приемов в этот вечер собрался весь цвет высшего общества, включая духовенство во главе с высокопреосвященным Мелетием. Все пришли в этот день, чтобы встретить отважную сестру милосердия – англичанку Кэт Марсден.

Когда Кэт и камергер двора его величества Сиверс вошли в зал приемов, он взорвался аплодисментами. Они вновь подошли под благословение к сидящему в кресле преосвященнейшему Мелетию, епископу Якутскому и Вилкойскому, а потом были представлены генерал-губернатору Горемыкину с супругой.

– Братья и сестры! – начал свое обращение к гостям епископ. – Как прекрасно звучат сегодня эти слова. Появление человеколюбивой иностранки, нашей сестры во Христе, юной мисс Марсден среди поселенцев утешило несчастных, подняло упавший от безнадежности дух их и воодушевило надеждой на лучшую будущность. Повсюду воспринимали ее появление как явление ниспосланного им ангела. Она и есть ангел – ангел милосердия. Позвольте мне от всех вас вручить юной Кэт в знак признательности за ее беспримерный подвиг во благо впавших в несчастье наших пасомых – благодарственную грамоту и пожелать ей многая лета.

Церковный хор подхватил здравицу, а епископ Мелетий вручил Кэт благодарственную грамоту. И вместе с грамотой, в особом стеклянном сосуде была и трава, та самая, в поисках которой Кэт Марсден и совершила это удивительное путешествие в Сибирь.

Кэт выступила с ответным словом:

– Дорогие мои братья и сестры, уже несколько лет, как судьба Промыслом Божиим удерживает меня в границах вашей необъятной Родины. Я покорена вашим удивительным народом, его самопожертвованием и необычным милосердием. Но все результаты нашего исследования я приношу к стопам ее величества, потому что по милости Божьей государыня императрица дала мне возможность совершить этот труд и этот подвиг. Без ее доброго покровительства я не смогла бы сделать ничего. А сейчас я хотела бы обратиться ко всем присутствующим с просьбой помочь в сборе средств на устройство постоянного приюта для несчастных, которые вызывают к себе величайшее сострадание и сочувствие. Я знаю, что в вашей стране есть хороший обычай, когда в желании помощи кому-то люди пускают по кругу шапку.

Епископ, заметив, что в зале все были без головного убора, начал снимать с головы свой клобук. Церковный служка принял его из рук епископа и подошел с ним к мисс Кэт.

Кэт взглянула на епископа, а он улыбнулся ей в ответ.

– Простите меня за столь ничтожный взнос. Но это все, что у меня осталось, – сказала англичанка и, сняв с себя свои серьги, первая положила их в «шапку».

Церковный служка с клобуком в руках стоял и не знал, к кому идти дальше.

Неожиданно помогла жена губернатора.

– Что застыли, как неживые? Складывайте свои побрякушки на Божье дело, – и стала снимать с себя все украшения, опуская их в епископский клобук.

– Дорогая, остановись, что ты делаешь? – восторженно воскликнул губернатор.

– Отстань, ирод. И чего я с ними не поехала...

Зал вновь взорвался новыми аплодисментами. А служка с клобуком пошел по кругу, собирая пожертвования.

Сиверс подошел к губернатору.

– Надо бы срочно вызвать оценщика и нотариуса. Составить опись драгоценностей и определить их сумму, завтра же с утра открыть в банке счет.

– Непременно все будет исполнено, – ответил губернатор и тут же дал необходимые пояснения своему помощнику.

В это время зазвучала музыка. Это был вальс. На первый танец Кэт пригласила Сиверса. Второй – уже отдала Даниилу.

Рано утром в гостиничный номер Кэт постучались, и после разрешения вошел камергер двора его величества Сиверс.

– У меня для вас два известия, – начал он.

– Начинайте с главного...

– Хорошо. Действуя согласно полученным указаниям ее величества государыни императрицы Марии Федоровны, должен сообщить вам, что в Якутске будет сформирован специальный отряд которому поручено устройство приюта и сбор в него обнаруженных нами больных прокаженных. Возглавить этот отряд поручено обер-офицеру лейб-гвардии Казачьего полка Даниилу Прокофьеву с предоставлением ему внеочередного воинского звания.

Кэт напряглась.

– А какая новость следующая?

– Ваш экипаж отходит ровно через час.

Кэт понимающе кивнула головой.

– К сожалению, я с вами не смогу поехать. Мне надавали кучу самых разных поручений.

Счастливого вам пути.

Она стояла у окна и смотрела на город.

Сиверс вышел, закрыв за собой дверь.

Через какое-то мгновение дверь вновь скрипнула.

– Что-то еще? – спросила Кэт и обернулась.

В дверях стоял Даниил...

– Ну вот и закончился мой рассказ, – сказала Кэт и улыбнулась.

Она и игумен Сергей стояли на перроне железнодорожного вокзала в Иркутске. Шел мокрый снег. Они прощались.

– Кстати, совсем забыл спросить: а как же трава? Ее свойства...

Тут Кэт улыбнулась.

– Трава удивительная. Но чуда, которого все ждали, не произошло. Прав был преосвященный Мелетий – все в руках Божьих...

– Как бы мне хотелось, чтобы вы наконец-то обрели свое семейное счастье.

– Тогда благословите меня, святой отец.

И она склонилась под его благословение.

По почтовой дороге возок с Кэт добрался до села Шуран, что располагалось в ста верстах от Якутска. Оставалось перебраться через реку, а там день-другой – и Якутск.

Падая и размахивая руками, навстречу почтовому возку бежал мужик.

– Стой! Стой, тебе говорю. По реке нельзя.

Возок остановился.

Запыхавшийся мужик уже был рядом.

– Лед еще не в силе. Вчера оттепель ударила. С час назад, как телега с продуктами под воду ушла. Никак нельзя вам сегодня далее ехать. Почту завтра и то на руках нести придется. И то если дождь уймется...

Река посинела. И никто не соглашался переправить англичанку на другую сторону. Она сама ходила из дома в дом по деревне, умоляя добрых людей помочь ей. И предлагала в вознаграждение все, что имела. Нашлись добрые и смелые люди, которые обещались, что если дождь

в ночь уймется и к утру хоть трошечки подмерзнет, то они возьмутся благополучно доставить ее на противоположную сторону.

До самой зари молилась Кэт, стоя в углу на коленях перед образом, который был в доме, где они провели ночь. Теплая ее молитва была услышана. Ветер разогнал облака, а к утру мороз высушил дорогу. И тонким льдом затянулись лужи.

На заре шестеро молодых рыбаков по промыслу, выросших на этой реке, каждый с шестом или багром, привязав за спину нетяжелую почтовую поклажу, перекрестясь на церковный крест, взяли под руки Кэт, переобутую в мужские сапоги, и отправились в опасный путь.

Переход через огромную реку в такое время так страшен, что только привычный человек может совершить его, не теряя бодрости и присутствия духа. Кэт и сама с каждым шагом становилась все бодрее и даже веселее. Провожатые поглядывали на нее и приветливо потряхивали головами. И только перейдя на противоположный берег, когда опасность миновала, она почувствовала слабость. Но навстречу уже бежали люди. Ее взяли на руки и понесли к дому.

Там, лежа на кровати, она молчаливым взглядом поблагодарила своих провожатых. И раскрыла ладонь, в которой лежали сто рублей – все ее наличные деньги. Но честные люди не захотели ими воспользоваться: они взяли по синенькой на брата (по пяти рублей ассигнациями), и, выходя, один из них сказал на прощание:

– Дай Бог вам благополучно доехать...

И вот снова, как и десять лет назад, Кэт, уже вместе с сыном, сидят в приемной губернатора. В течение нескольких часов то появлялись, то исчезали какие-то озабоченные люди, лишь она одна терпеливо ждала.

Подошел секретарь.

– Вы подавали запрос о судьбе офицера лейб-гвардии Даниила Прокофьева?

Кэт поднялась со стула.

– Проходите, губернатор вас ждет.

Кэт вошла в кабинет губернатора Якутска. Сам губернатор стоял в глубине огромного кабинета, к тому же еще и спиной. Кэт выжидала, пока он обернется. И вот он медленно обернулся. Кэт увидела сильно постаревшего бывшего камергера двора его величества Сиверса.

Сиверс молча смотрел на нее, и лишь по щекам его текли слезы.

Женщина сразу все поняла. Но, прежде чем потеряла сознание и упала на пол, она вымолвила:

– Господи, за что?

Сиверс уже звонил в колокольчик.

В кабинет вбежал секретарь.

– Немедленно за врачом. Прислать сюда дежурного офицера и двух солдат с носилками. Немедленно... – отдавал необходимые распоряжения Сиверс и уже сам склонился над Кэт.

Когда Кэт открыла глаза, то поняла, что она находится в спальне губернатора.

Сам Сиверс сидел в большом кресле у камина. Увидев, что Кэт вышла из забытья, он встал с кресла и, подойдя к кровати, на которой лежала Кэт, аккуратно положил на подушку медальон с ее изображением, который, уезжая, она оставила Даниилу.

– Он все эти годы ждал тебя, – тихо сказал он.

– Я обещала ему, что обязательно вернусь.

– Ты хочешь знать, как...

– Нет. Прошу тебя, дорогой Сиверс, не надо. Я не хочу это знать. Я этого просто не выдержу. Пусть он остается в моей памяти таким, каким...

Кэт предалась своим воспоминаниям. И на время забылась.

Сиверс вернулся на свое кресло.

– Слава Богу! – произнес старик. – Впервые за двадцать лет она назвала меня дорогим. Знать, пришло время и мне умирать...

И старик-губернатор дал знак сыну Кэт продолжить чтение книги «Жития».

Вскоре Кэт Марсден вместе с сыном пришли на городское кладбище и нашли скромную могилку, в которой был похоронен казачий офицер Даниил Прокофьев. И присели на лавочку. Сидели уже долго, так как были все в снегу.

Родное Отечество пусть и скромно, но похоронило своего воина. Кто же и где похоронит ее? Сиверс после той встречи тяжело заболел и уже почти не вставал с постели. Помощи искать было негде. Средств к существованию практически не осталось.

Вскоре они поднялись и медленно побрели к выходу...

Прошло три недели.

Накануне Рождества Христова в отдаленном краю Сибири, в глуши, между лесами, на саях, которыми правил возница, укрытые тулупом, ехала Кэт с сыном. Наконец между деревьями они увидели поднимающийся дым.

– Вот по этой дороге далее и ступайте, никуда не сворачивая. Здесь не более версты. Думаю, что там вам удастся найти и кров, и работу, – сказал возница и уехал.

И действительно, вскоре они увидели большой дом, построенный на европейский лад, довольно обширный и красивый. Вокруг него было расположено множество служб, и англичанка предположила, что это дом какого-нибудь золотопромышленника.

Бедность делает людей до крайней степени робкими. Поэтому путешественники, подходя к дому, не осмелились попроситься на ночлег. Но хозяйка дома, увидев гостей, вышла на крыльцо.

– Извините, что беспокою вас в столь поздний час, – начала Кэт.

– Вы иностранка?

– Англичанка. Волею судьбы осталась без средств к существованию и ищу работу. Я могла бы воспитывать детей...

– Пройдите в дом. Отдохните. Скоро придет мой муж. Обо всем и поговорим.

Их провели на половину гостей, предоставили уютную, с большим вкусом обставленную комнату. Кэт успела даже принять ванну и привести себя в порядок, когда их пригласили к ужину.

Во всем доме чувствовалась женская рука. Сын англичанки с интересом разглядывал висевшие на стене гостиной комнаты картины зарубежных мастеров, а Кэт обратила внимание на красивую мебель и, конечно же, на большую нарядную елку, свидетельствующую о приближении праздника Рождества.

Огромный стол, рассчитанный не менее как на тридцать человек, был накрыт к рождественскому ужину на три персоны.

Ждали хозяина. Со второго этажа стал спускаться старик. Хозяин дома. Одетый предельно чисто, по-купечески.

– Что, мать, рада, поди, что Господь на Рождество гостью в наш дом привел?

Хозяйка в ответ улыбнулась и сказала:

– Гость в дом – Бог в дом!

Купец Добров подошел к столу, и, когда свет лампы дал ему возможность рассмотреть лицо Кэт, он с изумлением спросил:

– Откуда вы, матушка? Я вас, кажется, когда-то видел. Не были ли вы в Петербурге? Лицо мне ваше так знакомо... Ну конечно же, как же я мог сразу не вспомнить! Катенька, родная моя, вот тот человек, кто дал мне тогда 24 червонца, которые спасли тебе жизнь, а меня сделали одним из самых богатых людей в Сибири. Господь Бог в ее лице прислал наконец нам Своего ангела. Мы сетовали, что Господь не дал нам сына, – и привел сегодня его к нам.

И далее, неожиданно для Кэт произнес на английском языке:

– Если, конечно, они не побрезгуют этим «неопытным существом».

Кэт с сыном бросились к Екатерине, и они обнялись. Обе женщины уже плакали от счастья.

В это время раздался первый удар огромных напольных часов. Они показывали 12 часов ночи. Наступило Рождество!

– Родные мои! – начал Добров. – Пришло время за счастье, так неожиданно свалившееся на всех нас, возблагодарить Бога. Давайте помолимся...

Все встали вокруг стола, устремив свои взгляды в красный угол, где теплилась лампадка и располагался богатый иконостас. В наступившей звонкой и радостной тишине рождественской ночи хозяин и муж, а теперь уже отец и даже дед, враз сбросивший с себя десяток годков, начал читать молитву: «Отче наш, Иже еси на Небесех...»

За окнами падал снег. Звезды заглядывали в окна счастливых православных семей, уже вернувшихся с праздничного богослужения Рождества Христова. Христос родился! А это значит, что вскоре нам всем предстоит новая встреча с Творцом, в радостном ожидании Его Светлого Воскресения, составляющего весь смысл нашего земного существования!

Нечаянные встречи (Повесть)

Хочу сразу предупредить, что это не документальное повествование и не нужно справляться по военным справочникам о номерах частей и фамилиях тех командиров, которые обозначены в моей повести. Их просто не было, точнее, именно с такими фамилиями и званиями не было. Были другие, а все мои герои, начиная с главного, вылеплены из обрывков фронтовых историй, где-то услышанных и в разное время мне поведанных. Они органично переплелись с рассказами моего отца, в прошлом военкома нашего сибирского города. А потому прошу не сетовать, да и не корить меня строго за фактологические погрешности, так как мои вольности более от любви и восторга перед судьбой удивительной женщины, достойно прошедшей через трудности и потери той суровой войны.

Кто она? А вот тут начинается то, что связывает меня нежеланием самой героини упоминать ее настоящее имя. А также тем, что называется тайной исповеди, о сути которой мне рассказал мой знакомый священник. Принимая во внимание все высказанное, я позволил себе дать моей героине другое имя. Так на белом свете появилась лейтенант и командир общевойсковой роты Надежда Федоровна Ростова, дошедшая до Берлина, а начавшая свою войну санинструктором в боях за древний город Ельня на Смоленщине, куда попала вместе с бойцами 24-й армии Сибирского военного округа в июне 1941 года.

С августа по сентябрь частям Красной армии, удерживающим этот рубеж, удавалось не только сдерживать атаки немецких частей, но и, предприняв контратаки, отбрасывать немецкие части назад, вновь освобождая советский город. Результаты атак составляли не более сотни отвоеванных друг у друга метров, а оценивались жизнями сотен бойцов с обеих сторон. Свидетельством тому был необычный, буро-красный цвет полноводных весенних рек, которые вобрали в себя кровь лежащих на полях и уже высвободившихся из-под снега мертвых бойцов...

А далее я лишь придал этим военным историям некий литературно-художественный абрис, внес довольно смелые предположения и собственные пояснения, а что-то снова просто домыслил – и получилось нечто, что показалось мне интересным и даже достойным для возможной публикации. Итак, если вы еще не передумали, то начнем наше повествование.

Началась эта история в 1985 году, в дни празднования 40-летнего юбилея Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Именно тогда в Ельню из Москвы на встречу ветеранов, воевавших на этом плацдарме, приехала съемочная группа столичного телевидения, в числе которых был фронтовой кинооператор, а ныне один из ведущих телевизионных операторов Центрального телевидения Герман Шатров. Он привез на эту встречу им лично отснятую в 1941 году и сохранившуюся 35-миллиметровую черно-белую киноплёнку с кадрами одного из боев того великого противостояния...

Приехавшая на эту встречу в Ельню из далекого сибирского Тобольска Надежда Федоровна Ростова вдруг увидела на экране себя, семнадцатилетнюю девушку и санинструктора, сидящую в яблоневом саду на траве, усыпанной опавшими яблоками, молодую, смеющуюся и счастливую.

Увидела она на экране и ротного капитана Вологодина, погибшего через несколько дней после того боя. И своих боевых товарищей, ставших ей братьями в круговерти той жуткой, испепеляющей все живое войне.

И сердечко ее нещадно забилося, словно сама душа вдруг встрепенулась и устремилась туда, к ним, павшим, но оставшимся вечно молодыми на этой самой киноплёнке. И слезы, кото-

рые, казалось бы, ею уже давно все выплаканы, вдруг вновь обозначили себя, да так обильно, что Ростова невольно достала платок.

Это и увидел уже седой Герман Шатров. Он дал какие-то распоряжения своему ассистенту, и вот одна из камер берет в фокус саму Ростову.

Когда в зале зажегся свет, ведущий вечера-встречи и Герман Шатров вышли к микрофону, установленному на сцене.

– Товарищи, – торжественно начал ведущий. – Разрешите представить вам автора этих кадров – фронтowego кинооператора Германа Владимировича Шатрова.

Раздались аплодисменты, во время которых Шатров, неожиданно для ведущего, так как вечер-встреча транслировался прямо в эфир, вдруг стал спускаться со сцены.

Ростова и сама уже поняла, кто именно снимал эти кадры, но она никак не ожидала увидеть сегодня самого Германа, живого и такого родного, единственного из оставшихся в живых... И уже идущего в ее сторону.

Шатров подошел к тому ряду, где сидела Ростова, и во всеулышание объявил:

– Дорогие наши ветераны, наши победители... Мне довелось быть среди тех, кто уже никогда не вернется домой, кто отдал свои жизни за нашу с вами Победу, чьи образы сохранила эта старая киноплёнка. Прошло много лет. Я не думал, не надеялся, что увижу кого-либо из них в живых...

В это время молодой телеоператор делает наезд на взволнованное лицо Надежды Федоровны, чтобы все могли увидеть удивительное и красивое лицо нашей героини.

– Мне это снится, – продолжал Шатров, – или я действительно вижу вас, нашего ангела-хранителя – санинструктора Наденьку Ростову?... Такую же молодую и красивую, словно сошедшую с экрана...

От такой неожиданности Надежда Федоровна смутилась и даже закрыла лицо руками.

Какой-то молодой человек уже подает ей букет алых гвоздик, а весь зал встает, взрываясь аплодисментами.

После торжественной части вечера-встречи был праздничный концерт, после которого Ростова и Шатров зашли в привокзальное кафе и какое-то время до отъезда Надежды Федоровны вспоминали о былых днях. На столике перед ними стояла тарелка с традиционными эклерами, ваза с фруктами, креманки с мороженым и бутылка полусладкого шампанского.

– Герман, – говорила, обращаясь к нему, Надежда Федоровна. – Ты всегда был и по сию пору остаешься очарованным романтиком. Ты думаешь, что я не догадывалась, кто каждое утро клал полевые цветы на мою подушку?

– Это хорошо, что ты все помнишь. Знаешь, Надежда, я ведь много лет снимал самых разных людей: от генералов и маршалов до простых рядовых, в том числе и женщин... Но никто из них не сумел... Не смог... Даже не знаю, как тебе это сказать... Ты не забронзовела... понимаешь! Такое впечатление, что мы с тобой даже не расставались...

– Оставь это... Да и лицо мое все испещрено тревогами и волнениями... А что касается состояния – тут ты, пожалуй что, и прав. Но в этом нет вины наших ветеранов. Те подачки, что им дают, как, например, право купить что-то из обихода, но вне очереди, вызывают у народа лишь озлобление. Да я и не видела ни разу, чтобы кто-то из нас шел покупать тот же батон колбасы вне очереди. Бронзуют, как ты говоришь, те, которые всю войну просидели в штабах или в глубоком тылу, всякие армейские снабженцы, не испытавшие страха и боли войны, не ощутившие на своей шкуре ее потерь. Это они, по сути, не имеющие даже боевых наград, выступают сегодня на встречах со школьниками и на экранах телевизоров. И врут, врут про то, что не ведали, не испытали, без зазрения совести или от старческого склероза, иногда выдавая чужие подвиги за свои. Именно они требуют себе почестей и внимания. А простые труженики той войны благодарны судьбе за то, что остались живы, а нашей партии и родному правитель-

ству они искренне благодарны за теплую и сухую комнатуху, которую получили, потому как помнят окопы, холод и вшей той войны. Так что все познается лишь в сравнении.

– Тут, Надежда, я с тобой полностью согласен...

– И еще два слова хочу тебе сказать, Герман... Те, кто выжил, и те, кто остался на поле боя той войны, очень хорошо знали, за что именно они отдавали свои жизни. Они погибли за своих любимых и родных, за своих детей, за свои дома... Вот кого и что мы защищали... А уже потом... Родину и Сталина... Сначала мы поднимались в бой... за своих любимых.

– Знаешь, я бы очень хотел записать все, что ты сейчас сказала, на пленку...

– Не стоит, да и о чем, собственно, мне рассказывать... Вы люди творческие... Это у вас богатое воображение... Да что такого героического я тогда совершила? Мне так думается, что истинный героизм лежит как раз в обыденности самой жизни. Суметь быть и остаться человеком, что бы вокруг тебя ни происходило, – это и есть настоящий подвиг!

– Ты, Надежда, все-таки не спеши с отказом... Подумай! Мы приедем и снимем. Сохраним твои слова на пленке... Мне думается, что придет время, появятся новые люди, которые захотят узнать другую правду. И попытаться понять то, о чем ты мне сегодня рассказала... Ведь это такая редкость... ты в военной гимнастерке, среди раненых бойцов, и ты же здесь, в студии, через тридцать лет, и все такая же молодая и жизнеутверждающая...

– Я подумаю о твоём предложении, Герман, но ничего не могу обещать...

– В любом случае не прощаемся... Давай я тебя провожу...

Через три недели Герман действительно позвонил и сообщил, что съемку фильма с ее участием руководство Центрального телевидения утвердило. Вслед полетели письма с объяснениями значимости создаваемого фильма в горком КПСС Тобольска, в исполком, горком комсомола и иные учреждения и организации сибирского городка, кои должны были обеспечить съемочную группу всем необходимым.

Ростова, правда, поначалу стала отнекиваться, но потом согласилась. Хотя и корила себя впоследствии. Уж больно много суматохи и толчеи принесла с собой эта съемочная группа в ее размеренную жизнь.

Для первого съемочного дня были приглашены местные школьники-следопыты. Их вопросы и ее ответы, по мнению режиссера фильма, могли бы помочь Ростовской вновь пройтись по зарубкам своей памяти и вспомнить о днях той суровой войны.

Надежда Федоровна ждала телевизионщиков, почитай, с раннего утра...

Замечу, что привычка чуткого и короткого сна осталась у нее еще с войны. После Победы врачи прописали ей килограммы успокоительных таблеток. Однако же Ростова, как медсестра, прошедшая войну, а затем много лет работавшая сначала санитаркой, а в последние годы нянечкой в районной больнице, таблетки не признавала. В деревне, где она родилась, жила женщина-травница. Они были знакомы еще до войны. И если возникала какая-либо лихоманка, то бабушка везла внучку Надежду к ней в деревню. На чистый воздух, покой и настои из этих самых трав. И после войны, пока та женщина была жива, Надежда приезжала к ней.

Кстати, санитаркой после войны она работала потому, что не имела высшего образования. В то время не столько высшее образование, как наличие партбилета было пропуском должностного роста, но у Надежды Федоровны не было ни того ни другого. А в городской больнице Тобольска, куда она пришла работать после демобилизации, ей, как простой санитарке, уже ничего не предлагали.

Однако же вернемся в квартиру Ростовой.

В ожидании съемочной группы Надежда Федоровна сидела у распахнутого окна, изредка бросая взгляд на двор, наблюдая за тем, как под лучами теплого весеннего солнца нежились воробьи в лужицах, соседки на лавочках, дети в песочнице.

Те, что были постарше, пускали самодельные кораблики с парусами, а затем бежали вслед за ними, наблюдая за тем, как они преодолевают мусорные заторы, борются с периодически

набегающей бортовой волной, образующейся от пролетающих мимо машин, и как их в конце концов выбрасывает-таки на металлические решетки канализационных люков...

Телевизионщики приехали с опозданием. Вслед за ними появились и местные следопыты.

Благообразная седая женщина в чистом и опрятном домашнем платье встретила ватагу гостей сидя. Когда школьники по приглашению хозяйки чинно расселись вокруг стола, то выглядели этакими цыплятами, непрерывно вращающими своими любопытными головками под надзором заботливой, но строгой наседки. Какое-то время, пока гости осматривались, в комнате стояла тишина.

Стены в комнате ветерана войны были аскетически чистыми. Ни тебе семейных фотографий, ни почетных грамот, ни копий живописных полотен, ни модных ныне икон...

Железная кровать да круглый стол под абажуром, несколько стульев с гнутыми спинками, чуть промятый, очевидно уставший диван, сервант со скромной стеклянной посудой и неказистый отечественный холодильник тех времен, что ей как ветерану войны выдали по какой-то льготе. Зато все оставшееся место комнаты заполняли собой полки с книгами.

И тогда, нарушив тишину, одна из девушек, предварительно оглянувшись на товарищей, встала, назвалась Таней Агаповой и задала первый вопрос:

– Надежда Федоровна, скажите, пожалуйста, а вы любили когда-нибудь?

– Любила ли я? – переспросила Ростова, вглядываясь в лицо школьницы.

В это время фотограф из местной многотиражки, приехавший со школьниками, сделал первый снимок.

И Надежда невольно прикрыла лицо от яркой фотовспышки.

– Ну да, в юности, до войны... А может быть, и во время... – вновь раздался голос той девушки.

– Или ваше поколение вообще не способно было любить ничего, кроме Родины? – неожиданно вступил в начавшийся диалог сидевший рядом с ней юноша. – Вы же, насколько я знаю, все были, как Павел Корчагин, убежденными коммунистами.

– Кстати сказать, чтобы уж вы знали, – в коммунистической партии я никогда не состояла... – начала Надежда Федоровна. – Не по убеждениям... нет. Может быть, мы еще об этом когда-нибудь и поговорим. Но для начала мне хотелось бы спросить: как вас зовут, юноша?

– Александр Лаврухин.

– Доброе имя... Ну так вот, Сашенька... Если бы в мире не было любви... – говорит Ростова, и тут, неожиданно для них, суровый ветеран вдруг улыбается, – тогда смело можно было бы утверждать, что лично вас, например, аист в клюве принес. Или... сознавайтесь же, не иначе как вас в капусте нашли?

По лицам школьников проскользнула улыбка.

Пока школьники знакомились с хозяйкой и привыкали к обстановке, Герман Шатров и его ассистенты установили громоздкие осветительные приборы.

Вошла режиссер. Бросила быстрый взгляд на то, как разместились участники съемки.

– Надежда Федоровна, а почему вы свои ордена не надели? – вдруг спросила у Ростовской женщина-режиссер.

– Я-то, старая, думала, что я вам нужна, а вам, оказывается, мой мундир нужен...

По лицам школьников прошла еще одна, но уже понимающая улыбка.

– Родина должна знать своих героев... – сказала как отрезала женщина-режиссер Агаджанова. – Если не хотите парадный мундир надевать, то хотя бы ордена на платье прикрепите...

Наград у Ростовской оказалось всего три: орден Красной Звезды, медали «За отвагу» и «За взятие Берлина». Скрепленные на одной колодке, они пошли гулять по рукам школьников. Остальные, послевоенные и юбилейные, она принципиально не носила.

Ростова смотрела сейчас на подростков, разглядывающих ее награды, и думала, как же все они похожи на тех мальчиков и девочек, что учились вместе с ней в одном из классов средней школы нашего небольшого районного центра. Они, вероятно, также убегают с уроков, курят вдали от окон учительской комнаты, а мальчишки... Мальчишки все так же гоняют мяч и устраивают толкотню в раздевалках только для того, чтобы лишний раз коснуться той, по которой тайно вздыхали. И не дай бог повторить им ее судьбу...

– Камера готова? – снова раздался командный голос женщины-режиссера.

Герман Шатров утвердительно кивнул головой, внимательно наблюдая за нашей героиней.

– Тишина! Мотор! Начали!

– Надежда Федоровна, вы так и не ответили на мой вопрос... – вновь напомнила о себе девушка.

И в наступившей тишине зазвучал голос Ростовой.

– Пожалуй, что я могу рассказать вам о том, как мы жили и любили. И не только Родину. Начну с того, что расскажу о том, что я действительно очень любила и люблю, – о своей жизни. Планов было столько, что очень хотелось все успеть. Если я вам скажу, что всю ночь не спала, волнуясь перед вступлением в комсомол, то вы, наверное, просто мне не поверите, что этого можно было так искренне желать, так искренне к этому стремиться... Правда, накануне, на школьном диспуте, я сказала, как учила меня бабушка, что предназначение женщины состоит в том, чтобы стать матерью, родить, сохранить и воспитать ребенка, а лучше нескольких... И это тогда, когда все мои подружки хотели быть ударницами труда, летчицами и ворошиловскими стрелками...

– И чем же закончился этот диспут? – полюбопытствовал еще один «юноша», школьник, назвавшийся Димой Карпенко.

– Не дали мне тогда рекомендации для вступления в комсомол...

Дмитрий невольно улыбнулся.

– Вы вот сейчас этому улыбаетесь, молодой человек, а тогда это было очень даже серьезным упущением в работе нашей первичной комсомольской ячейки. И моему соседу по парте Николаю Ласточкину, который был в меня тайно влюблен, дали поручение, чтобы он взял над мной шефство... Он и взял меня на буксир...

– И чем же все закончилось? – поинтересовался в свою очередь фотокорреспондент районной газеты, при встрече представившийся как Константин Рынков.

– Если честно, то мне тогда было уже не до комсомола, потому что я влюбилась...

Все, включая фотокорреспондента и даже женщину-режиссера, невольно улыбнулись.

– Нет, не в своего соседа по парте, – продолжала Ростова. – А началось все с того, что в наш город весной 1940 года с финской войны вернулся старшина и орденосец Владимир Степанович Зайцев. И наша нечаянная встреча с ним в школе очень многое изменила тогда в моей жизни...

Тут Ростова задумалась, очевидно, вспоминая эти годы и эту встречу. Давайте также и мы вслед за ней представим себе ту благоухающую весну 1940 года и все то, что предшествовало первой встрече еще школьницы Надежды Ростовской со старшиной Зайцевым. Благо что это было хорошо известно моему отцу...

Старшина Зайцев, приехав в родной Тобольск после демобилизации по ранению, направился первым делом в распоряжение военкома. Полковник Русаков, как я вам уже сказал, мой отец, в прошлом царский офицер, перешедший в годы Гражданской войны служить в Красную армию, увидев вошедшего в кабинет старшину, встал и вышел из-за стола.

– Здравствуй, герой. Долго же ты до нас добирался... Орден твой уже совсем запылелся...

– В госпитале пришлось долго проваляться.

– Жив, и слава Богу! А теперь слушай меня, старшина! – И полковник, открыв сейф, взял в руки коробочку с его орденом. – По поручению Президиума Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик... старшине Зайцеву Владимиру Степановичу за проявленное мужество и спасение командира полка вручается боевой орден Красной Звезды... Прими, старшина, эту награду от меня, потому как, пока ты в госпитале лежал, финская война закончилась...

– Тогда разрешите по-фронтовому, товарищ полковник.

– По-фронтовому и отметим. Непременно по-фронтовому, – согласно произнес военком и сам же достал из шкафа непечатую бутылку водки.

Зайцев в свою очередь вытащил из вещмешка свой фронтовой котелок и банку тушенки.

Полковник вылил в его котелок всю бутылку, а старшина опустил в него свою «звездочку», а потом, как старшего по званию, попросил первым пригубить военкома.

Перед тем как сделать свой глоток, полковник сказал:

– За тебя, старшина!

А потом они передавали тот котелок друг другу, говоря искренние и добрые слова, чувствуя живых и отдавая дань памяти погибшим.

– Смотрю я на тебя, старшина, и чувствую, что что-то не так, что тяготит тебя что-то... Ну, рассказывай все как на духу...

– Да вы, поди, товарищ полковник, и сами знаете, какой ценой нам эта победа далась... – начал Зайцев. – Сколько своих боевых товарищей в тех снегах только я оставил, одному Богу известно...

– Наслышан... Однако не мне тебе, старшина, рассказывать о том, почему мы вступили в войну с финнами, что советско-финская граница на Карельском перешейке проходила всего в 32 километрах от Ленинграда, а этот город, по докладу товарища Сталина, составляет более 30 % всей нашей оборонной промышленности. Но от себя добавлю, что от его целостности и сохранности во многом зависит судьба нашей страны.

– Что же тут непонятного, коль скоро переговоры мирные с Финляндией не привели к результатам, – соглашался с ним старшина. – Но вот не поторопилось ли наше правительство, наша партия, что объявили войну в конце ноября, ведая о суровости наших зим, о естественных трудностях, что возникнут с продвижением техники...

– Думаю, что нет... не поторопились, – отвечал полковник, подойдя к висевшей на стене карте. – И зависело это не от наших желаний и возможностей, а лишь оттого, что на Западе резко изменилась политическая ситуация...

– Тут я с вами согласен, товарищ военный комиссар, – произнес старшина. – Мне непонятно другое, почему же тогда чуть ли не парадным шагом переступили мы эту финскую границу и еще не начавшуюся войну поклялись закончить в течение двух недель...

– А вот этого-то я и сам, старшина, до сих пор не понимаю. Казалось, что наши штабные начальники напрочь забыли свою же историю. Да мы же эту заколдованную Финляндию уже в пятый раз воевали. Петр 21 год пытался отбить Финляндию у Швеции. Его дочь Елизавета Петровна еще два года вела войну за расширение влияния России в Финляндии, но Гельсингфорс так и остался в иноземных руках. Насколько я помню, и Екатерина практически ничего особенного в этих войнах не добилась... И лишь Александр I сумел завоевать-таки Финляндию, отвоевав все области... А теперь все по новому кругу...

– Понятно, что после трех месяцев боев финны порядком выдохлись и, потеряв более 20 тысяч убитыми и пропавшими без вести, практически сами попросили мира. И война на этом закончилась. Но какой ценой для нас?

– Вот об этом, старшина, давай лучше не будем... Кстати, ты сам-то на каком направлении наступал?

– Мы шли севернее Ладожского озера. Перед нами поставили задачу создания плацдарма для последующего возможного прорыва наших войск в тыл линии Маннергейма... – говорил Зайцев уже сам, подойдя к карте на стене.

– Насколько я помню, этот участок границы у финнов основательно укреплен не был...

– Все верно, товарищ полковник. Зато они умело повели против нас настоящую партизанскую войну. Местность там лесисто-болотистая, грунтовые дороги узкие, что практически не давало возможности использовать нашу боевую технику... В результате большей частью мы шли пешими, да по глубокому, рыхлому и вязкому снегу...

Мой отец внимательно слушал старшину Зайцева, и ему даже казалось, что он сам вместе со старшиной находится в том лесу... По крайней мере, имея опыт боев, он буквально видел то, о чем говорил ему старшина. Увидел и то, как войсковая часть, остановившаяся на ночь, грелась у костров. В отсвете тех костров хорошо можно было рассмотреть боевую технику, отдыхающих солдат и командирские палатки. Увидел вслед за этим, как из леса стремительно, на лыжах, заскользили по снегу финские воины в белых маскхалатах и из автоматического оружия практически в упор стали расстреливать палатки с комсоставом и наших солдат, сидящих у костра.

Как понял отец, дивизия та, состоявшая в основном из необстрелянных новобранцев, растянулась тогда на несколько километров, а это давало возможность финнам небольшими отрядами стремительно рассекать наши боевые линии, словно масло. И косить... косить все живое из автоматического оружия... Пока сообразишь, с какой стороны оборону держать, а их уже и след простыл... В этот момент, также неожиданно, появляется вторая линия лыжников. Они на ходу забрасывают наши танки бутылками с зажигательной смесью, отчего боевые машины вспыхивали, как факелы...

Старшина продолжал свой рассказ:

– Чтобы не положить в этих лесах всю живую силу, моему взводу разведчиков было дано задание выйти вперед, чтобы обеспечить безопасность полка...

Тут Зайцев сделал паузу и закурил. А потом продолжил свой рассказ:

– Как цыплят, перестреляли они наш взвод. На деревьях снайперов своих рассадили, а те щелкали нас играючи. Вот это и будет истинная правда. Когда я один из всего взвода в живых остался, то смастерил из сушняка легкие сани и установил на них пулемет. Попрощался с убитыми товарищами, прикрыв их тела лапником, и, подманив оставшимся сухарем бродившего по лесу коня, потом на этих санях начал искать свой полк.

В один из дней я набрел на оставленный дивизионный госпиталь. Увидел сгоревшие машины и палатки для раненых. Увидел мертвых советских солдат, в упор расстрелянных врачей и обезображенных девушек-санитарок. И пошел по следу этих нелюдей.

Ближе к вечеру настиг-таки я четверку солдат противника в белых маскхалатах. Они отдыхали и что-то варили. Им и в голову не могло прийти, что у них в тылу, да на санях, может оказаться советский красноармеец. Не доезжая до них метров тридцать, вспомнив, как это делали в Гражданскую войну наши отцы, развернул я свои сани и полоснул по ним из пулемета. Когда положил я одной очередью всех финнов и подъехал ближе, то увидел куль, который они, очевидно, тащили. Развернул, а в нем лежал наш молодой комполка, раненый и без сознания. Переложил я тогда майора на свои сани, прикрыв сверху тулупчиком убитого финна и снова поехал искать своих...

Утром следующего дня наткнулись мы на брошенную в снегу боевую технику. Пригляделся, а в березовом лесу солдатики наши за деревьями затаились. И кричу я тем солдатам:

«Родные, не стреляйте, свои мы, свои...»

Кричу, а в ответ тишина.

Тут и майор открыл глаза...

Подъехали мы поближе... А в том березовом лесу, поверишь ли, почти весь полк в одних шинельках, в лютый мороз, выполняя чей-то приказ, просто замерз ночью на своих позициях. Гляжу я на них, молодых и красивых, что по воле злого волшебника теперь словно заснули навечно в этих лесах, а слезы сами по щекам текут и тут же застывают.

И вдруг слышу голос спасенного мною майора:

«Они выполняли приказ, старшина. И жизни свои за Родину положили...»

И спросил я тогда у командира полка:

«Где вы тут, товарищ майор, в финских-то лесах, нашу Родину узрели? Да если бы даже и своя земля... Но не в сорокаградусный же мороз бойцов в одних шинельках в лесу на ночь оставлять... Это чтобы столько молодых жизней положить из одного лишь ретивого желания угодить кому-то да приказ вышестоящего начальства любой ценой выполнить... Простите, товарищ майор, но тогда это уже просто преступление... Перед своим же народом, да и перед всем человечеством преступление».

А он мне отвечает:

«Выслушай меня, старшина, внимательно и запомни. Нам нужна эта земля... Понимаешь. Позарез нужна. Любой ценой. Не мы тут намертво станем, так финны ее немцам или еще кому отдадут под военные базы. А нам нужен полный контроль над Финским заливом, чтобы исключить самую возможность блокирования в этом заливе советского Балтийского флота в случае возможной войны...»

Тут военком прервал воспоминания старшины своим замечанием:

– Но ведь по уму и его понять можно... Он тоже выполнял приказ и знал нечто, что в тот момент не мог знать ты.

– Оно, может быть, вы и правильно все говорите, товарищ полковник. Но спасенному мною майору я тогда ответил так: «Когда вы, товарищ майор, даст Бог, генералом станете, а вы им обязательно станете, очень вас прошу: вы, прежде чем приказы-то свои отдавать начнете, вспоминайте иногда этих вот солдатиков, кои свои жизни сегодня ни за грош положили...» Ничего на это майор мне тогда не ответил. А вскоре мы увидели немногих уцелевших наших солдат. Направил я своего коня в их сторону, но и сто метров не проехал, как под моими санями раздался взрыв. Уже потом я узнал, что майора даже не зацепило. А меня три месяца в госпитале латали и штопали...

– А ты, старшина, этого майора, комполка-то своего, после госпиталя видел? – поинтересовался военком.

– Нет, видно, разошлись наши пути-дорожки.

– Однако же к награде это он тебя, как я понимаю, лично представил...

– Дай Бог тогда ему здоровья, – произнес старшина Зайцев. – Знаю, что он теперь герой... В газете «Правда» фотографию видел, как товарищ Сталин с ним лично беседует. Мы ведь тогда не знали, что дивизия наша попала в окружение по той лишь причине, что ее командир, полковой комиссар и начальник штаба подло сбежали, бросив солдат на произвол судьбы, обрекая всех на верную гибель в этих финских лесах... А они все ждали хоть какого-то приказа, не смея ни отступить, ни продвинуться вперед... Так намертво и застыли, словно тот герой из детского рассказа, что был кем-то поставлен и забыт на своем посту... А вот спасенный мною майор, даже будучи раненым, вывел-таки оставшихся в живых из окружения, спасая уже в свою очередь несколько сотен раненых и обмороженных наших бойцов... За что и был удостоен звания Героя Советского Союза...

– Да!.. – согласно молвил военком. – Вот ведь как на войне бывает. Ну что же, старшина, отдыхай теперь, залечивай раны... Ты ведь женат, если я не ошибаюсь.

– Был женат, да весь вышел, – ответил ему Зайцев.

– Что так?

– Чтобы уж вы все знали, я ведь перед самой финской женился. Клава буфетчицей в Доме культуры работала. Она мне и сынка родила, Олегом назвал. И вот пока я там, в снегах, утопал, о них думая, жена моя куда-то сгнула.

Старшина продолжал говорить, а полковник встал и из служебного шкафа достал еще одну бутылку водки и сверток с колбасой.

– Я же с вокзала первым делом домой, к ней и к сыну... – говорит ему Зайцев. – А на двери замок висит... Соседи сказывают, что отбыла она с баянистом... в общем, как бы на заработки в южные края... Уже месяца три назад. А сынишку нашего, значит, здесь кому-то, словно бездомного кутенка, подбросила... Еще с неделю мыкался я по городу, все искал своего Олечку, пока люди добрые не подсказали мне один адресок...

Нашел-таки старшина тот дом. И шел по коридорам барака, лоя тусклые, часто болезненные и одновременно встревоженные взгляды хозяев коммунальных комнат. Шел в поисках того, кто был сейчас важнее, чем он сам, шел в поисках своего сына, что был сброшен родной матерью, словно балласт, в чьи-то чужие и заведомо холодные руки, оставленный без материнской любви и лишенный отцовской ласки...

Он поочередно открывал двери в жилые комнаты, быстрым, цепким взглядом разведчика осматривал и, видя, что в очередной раз ошибся, закрывал эти чужие, если не сказать враждебные ему двери, знавшие некую тайну, касающуюся его лично, и теперь покрывающие то зло, что исподволь и давно уже жило в этом доме.

В угловой комнате, уже почти потеряв надежду, Зайцев увидел подвыпившую компанию мужчин и женщин, сидящих за накрытым столом. Сам круглый стол ломился от съестного. Бутылки с напитками еще стояли на столе, но большая часть уже лежала под столом и стояла в углах комнаты.

И вдруг услышал голос, обращенный к нему:

– Тебе кого, служивый? Или что потерял?..

Зайцев обернулся. Перед ним стояла молодая женщина с размалеванными губами и ярко одетая.

– Не тебя ли Анфисой кличут? – спросил ее старшина.

– Ну, я Анфиса! Тебе что за дело?

– Сына своего ищу... Олега! Говорят, что Клава у тебя его оставила.

По тому, как Анфиса стрельнула глазами в угловую каморку, используемую в домах как кладовку, старшина понял, что на этот раз не ошибся...

– Ничего она у меня не оставляла... – начала хозяйка.

Однако Зайцев, уже будучи в комнате, направился к той каморке.

– Это что же такое делается... Мужики, вы посмотрите, что же он себе позволяет... – запримечала Анфиса, обращаясь к сидевшим за столом крепким мужикам.

Двое из мужиков встали было из-за стола, но под взглядом старшины застыли на месте.

Зайцев уже открыл дверь каморки и в лучах комнатного света увидел фигурку сына с огромными напуганными глазами. На полу стояла плошка с водой и лежал кусок хлеба.

Зайцев бросил взгляд на Анфису...

– Что смотришь? – мгновенно взревела та, словно волчица. – Клава твоя всего пять рублей на него оставила... Сказала, что уедет на неделю... Скажи спасибо, что я вообще его еще кормлю...

– И поэтому его по вагонам за собой таскаешь? Подаяние собирать заставляешь?

Мужики, увидев худенького ребенка, почли за лучшее не вступаться в этот спор.

И вдруг раздался голос мальчика:

– Зайцев, ты пришел за мной?

– Да, сынок! – сдерживая слезы, ответил старшина.

– А где мама?

– Мама скоро придет. Теперь мы будем ее ждать вместе...

И тут мальчик, протянув руки вперед, сделал шаг к Зайцеву. Прижав к себе ребенка, старшина собрался было выйти из комнаты Анфисы, но та своей грудью загородила дверной проем.

– Без согласия матери не отдам... Я свои права знаю, сейчас милицию вызову... Они не посмотрят на то, что ты...

– Анфиса, не гневи Бога... – строго произнес один из ее гостей. – Отдай отцу пацана.

В это время в комнату заглянула любопытная соседка.

– Анфиса, это ты гуляешь, что ль?.. А то шуму-то, шуму сколько...

– Советская женщина имеет право на отдых... – начала свой ответ хозяйка комнаты.

– Змея ты подколотная, но только не советская женщина... – произнес Зайцев.

Анфиса так и замерла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.